
АССОЦИАЦИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ
РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА (АИРО-XXI)

**Международный совет издательских программ
и научных проектов АИРО**

Геннадий БОРДЮГОВ	Руководитель
Андрей МАКАРОВ	генеральный директор
Сергей ЩЕРБИНА	арт-директор
Карл АЙМЕРМАХЕР	Рурский университет в Бохуме
Дмитрий АНДРЕЕВ	Журнал «Политический класс», МГУ им. М. В. Ломоносова
Дитрих БАЙРАУ	Тюбингенский университет
Дьердь БЕБЕШИ	Печский университет
Владимир БЕРЕЛОВИЧ	Высшая школа по социальным наукам, Париж
Бернд БОНВЕЧ	Рурский университет в Бохуме
Ричард БУРГЕР	INTAS, Брюссель
Харуки ВАДА	Фонд японских историков
Людмила ГАТАГОВА	Институт российской истории РАН
Пол ГОБЛ	Фонд Потомак
Габриэла ГОРЦКА	Центр «Восток-Запад» Кассельского университета
Андреа ГРАЦИОЗИ	Университет Неаполя
Никита ДЕДКОВ	Центр развития информационного общества (РИО-Центр)
Ричард ДЭВИС	Бирмингемский университет
Стивен КОЭН	Принстонский, Нью-йоркский университеты
Алан КАСАЕВ	РИА «Новости»
Джон МОРИСОН	Лидский университет
Василий МОЛОДЯКОВ	Университет Такусеку, Токио
Игорь НАРСКИЙ	Южно-Уральский государственный университет
Норман НЕЙМАРК	Стэнфордский университет
Дональд РЕЙЛИ	Университет Северной Каролины на Чепел Хилл
Борис СОКОЛОВ	Российский государственный социальный университет
Такеси ТОМИТА	Сейкей университет, Токио
Татьяна ФИЛИППОВА	Российский исторический журнал «Родина»
Ютта ШЕРРЕР	Высшая школа по социальным наукам, Париж

Харуки Вада

сенсей российской истории

Составитель
Геннадий БОРДЮГОВ

Москва
АИРО-XXI
2008

Издание осуществлено
благодаря содействию Международного Совета
Ассоциации исследователей российского общества
(АИРО-XXI)

*Художественное оформление, дизайн
Кирилл Струков*

Харуки Вада – сенсей российской истории. Сост. Г.А. Бордюгов. – М.: АИРО-XXI, 2008. – 128 с.

ISBN 978-5-91022-053-3

Сборник посвящен выдающемуся японскому исследователю России. О его необычной судьбе и творческой биографии, научных и сердечных связях с нашей страной рассказывают друзья, коллеги и ученики.

ISBN 978-5-91022-053-3

© АИРО-XXI, 2008
© Авторы, 2008

Содержание

<i>Исии Норизэ</i> «АЗИАТСКОЕ МАГНИТНОЕ ПОЛЕ» ИССЛЕДОВАТЕЛЯ РОССИИ _____	7
<i>Борис Итенберг</i> ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ ДРУГ РОССИИ _____	29
<i>Лариса Захарова</i> ЗАБОТА О МОЛОДОМ ПОКОЛЕНИИ _____	31
<i>Валентина Твардовская</i> КОЛЛЕГА ИЗ ЯПОНИИ: ВЗГЛЯД С О СТОРОНЫ _____	36
<i>Татьяна Филиппова</i> ПРЕОДОЛЕНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ РУССКОГО КЛИМАТА _____	40
<i>Виктор Шейнис</i> МОЙ ДРУГ ИЗ ДАЛЕКОЙ ЯПОНИИ _____	44
<i>Валентин Гефтер</i> АРИСТОКРАТ С ВОСТОКА _____	50
<i>Кирилл Шириня</i> У НЕГО МНОГОМУ МОЖНО ПОУЧИТЬСЯ _____	55
<i>Жанна Адиебекова</i> ОН УМЕЕТ БЫТЬ НАСТОЯЩИМ ДРУГОМ _____	66
<i>Лев Делюсин</i> «НЕ ОСТАВЛЯЙТЕ СТАРАНИЙ, МАЭСТРО...» —	71

6 Содержание

<i>Елена Зубкова</i> ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ УМЕЕТ УДИВЛЯТЬ _____	73
<i>Алан Касаев</i> О ШУЕ, МИФАХ И ПЕСНЕ _____	79
<i>Игорь Лукоянов</i> ПРЕДСТАВИТЕЛЬ «ЗОЛОТОГО СЛОЯ» ЗАРУБЕЖНЫХ СЛАВИСТОВ _____	83
<i>Эльгена Молодякова</i> ОТКЛИКАЮЩИЙСЯ НА ВСЕ _____	87
<i>Борис Соколов</i> СОЗДАТЕЛЬ МИРА РОССИИ ДЛЯ ЯПОНИИ _____	90
<i>Геннадий Бордюгов</i> ФОРМУЛА СЕНСЕЯ _____	94
Избранные труды Харуки Вада _____	100
Сведения об авторах _____	114
Издания АИРО в 2000-2008 гг. _____	116

ИСИИ Норизэ

«Азиатское магнитное поле» исследователя России

После поражения во Второй мировой войне, в эпоху «холодной войны» многие японские интеллигенты были захвачены марксистской космологией, космологией советской цивилизации, спрятавшись под нее, как под зонтик. Если смотреть из дня сегодняшнего, пребывание одновременно под советским «интеллектуальным зонтиком» и американским «ядерным зонтиком» может показаться странным, но факт есть факт. Конечно, теперь, когда советская цивилизация рухнула, легко позабыть эти факты, но разве это не было бы безответственностью? Увлеченность советско-марксистской космологией, ставшая неотъемлемой частью послевоенной мировой истории, является интереснейшим предметом исследования в рамках всеобщей истории XX века. Следовательно, надо изучать всю систему советской цивилизации, ставшей главным источником этой космологии, с какими бы трудностями мы ни сталкивались. Разумеется, прежде всего это задача тех, кто сегодня живет в России или в «постсоветском пространстве». Но глядя на послевоенное японское общество, стремясь познать историю своей собствен-

ной страны, понимаешь, что это – важная задача и для нас самих. Так японские историки послевоенных поколений оказались вынуждены выполнять долг своих русских коллег. Профессор Вада Харуки – из числа тех, кто взял на себя в Японии труд изучения России и Советского Союза.

Вада Харуки родился 13 января 1938 г. В апреле 1956 г. поступил в Токийский университет, избрав своей специализацией русскую историю. Как известно, именно в этом году в СССР началась открытая критика Сталина и сталинизма, но для молодого Вада это не стало ударом. По окончании университета в 1960 г. он был принят на работу в Институт общественных наук при Токийском университете и за 38 лет исследовательской и преподавательской деятельности в его стенах (до выхода на пенсию в 1998 г.) воспитал многих ученых, включая ряд авторов данного сборника. Собственные работы профессора Вада требуют особого разговора, поскольку он является одним из основоположников изучения современной истории в послевоенной Японии.

В последние годы профессор Вада активно проводит в жизнь идею нового истолкования мировой истории с заменой марксистской космологии и ее теории «империалистического понимания мира» на концепцию «эпохи мировых войн» Формула «эпоха мировых войн» – результат рефлексии, отражение сложившегося у него мысленного образа эпохи, в которую он сам родился и которая продолжается вплоть до сегодняшнего дня. Без преувеличения можно сказать что вся жизнь и работа профессора Вада оп-

ределяется этой формулой. Один из результатов этой работы – трактовка русской революции как «комплекса революций эпохи мировых войн».

Научные интересы профессора Вада широки и разнообразны. Намереваясь сконцентрироваться па Февральской революции, он тем не менее написал дипломную работу о народниках. Будучи страстным комментатором событий перестройки, он одновременно глубоко изучал войну в Корее и проблемы

Северной Кореи, а также судьбу Носака Сандзо, одного из лидеров Коммунистической партии Японии. Поэтому определить особенности научного творчества профессора Вада в целом нелегко. В то же время он участвовал в общественном движении против войны во Вьетнаме, поддерживал процесс демократизации в Республике Корея, не раз выступал по проблеме «северных территорий». Эти два аспекта, две стороны его деятельности невозможно отделить друг от друга.

Послевоенное поколение японских русистов, к которому принадлежит и профессор Вада, начинало свою работу, что называется, с чистой страницы. Еще до войны японские власти прервали научное сотрудничество с Советской Россией, однако интерес к ней в Японии нельзя назвать незначительным хотя бы потому, что число публикаций по российской тематике было немалым. На филологическом факультете Токийского императорского университета профессор Сайто Сэйтaro еще до войны читал специальный курс по русской истории, а написанные им «Лекции по истории России» в полной мере охватывали и советский период. Много внимания в «Лекциях» уделялось национальному вопросу, поскольку интересы их автора концентрировались на проблеме взаимоотношений империи и национальностей (показательно, что ранее он выпустил книгу «Трагическая история Польши»). Однако необходимо отметить, что интерес Сайто к истории России развивался в соответствии с тогдашней «континентальной политикой» Японской империи, поэтому его позиции можно назвать «старорежимными». После 1945 г. это

течение и вовсе перестало существовать. Интерес, порожденный повой государственной политикой, привел в те годы к организации советской группы в Институте общественных наук, созданном при Токийском университете, однако ее задачей были не исторические исследования, а анализ текущей ситуации.

Поступив в университет, молодой Вада усердно взялся за изучение доступных тогда в Японии документов и материалов по русской истории, включая полученные из СССР после разрушительного Великого землетрясения Канто 1923 г. Его отличает глубокое знание источников. Но главный вопрос заключался в том, как читать, осмысливать и интерпретировать собранные материалы.

Сразу по окончании Второй мировой войны в Японии была уничтожена ранее существовавшая система жесткой цензуры, что уравнило в правах разные научные школы и направления. Так называемая «императорская концепция истории», служившая в годы войны идеологической основой для мобилизации Масс, была полностью отвергнута, а ее главный протагонист профессор Хираид-зуми Киеси ушел из Токийского университета. «Императорская концепция истории» – это система взглядов, или идеология, созданная японским правительством в 1930-е годы для мобилизации усилий всего общества па тотальную войну, что стало необходимым из-за ожесточенного сопротивления китайцев. Понимание истории согласно этой концепции было совершенно нелепым, однако она в самом деле способствовала мобилизации

усилий масс. Опыт эпохи «духовной тотальной мобилизации» стал душевной травмой для ученых-историков, призванных содействовать послевоенному возрождению общества, поэтому для них бескомпромиссное сопротивление «императорской концепции истории», превратилось, можно сказать, в навязчивую идею.

После войны понятие «мобилизация» стало широко использоваться в ином смысле – применительно к демократизации и модернизации. Это было сделано прежде всего усилиями Оцука Хисао, профессора экономического факультета Токийского университета, специализировавшегося на европейской экономической истории, а также историков-марксистов. Превосходившие обычный академический уровень, работы Оцука оказали сильное влияние на интеллектуалов того времени. А марксистская теория формационного развития общества ассоциировалась с деятельностью Коммунистической партии Японии, которая возродилась, сплотившись вокруг вышедших из многолетнего заключения лидеров, и с советской цивилизацией, а потому завоевала исключительный авторитет. Существовали и другие важные обстоятельства. Теория формационного развития с ее «основными законами всемирной истории» бралась полностью, от начала и до конца объяснить весь ход истории, по делу было не только в этом. Она была единственной цельной исторической теорией, которая решительно отвергла «императорскую концепцию истории», основанную на древних японских мифах и принципе «непрерывности в веках императорской власти» (бансэй иккэй).

Поэтому сфера ее влияния была шире и глубже, чем собственно у работ Оцука.

Советская историография как научная дисциплина вышла за рамки академических исследований, на деле став идеологическим оформлением окончательно сложившейся в 1930-е годы советской цивилизации, а также орудием объединения и мобилизации усилий коммунистов и народных масс в СССР. Таким образом паша послевоенная историография косвенным путем оказалась под зонтиком советской идеологии. После войны любой, кто намеревался стать ученым-историком, неизбежно вступал с ней в напряженный диалог.

Разумеется, такая идеология и такое понимание истории не способствовали объективному изучению истории России. Теоретические схемы Оцука возникли как упрощенные модели в результате изучения английской экономики, опыт которой, по его мнению, должны заимствовать все другие страны. Марксистская историография тоже была европоцентричной, поэтому вопрос о России как «отсталой стране» остался вне поля ее зрения. Однако тенденция ряда интеллектуалов ориентироваться прежде всего на Западную Европу подвергалась жесткой критике со стороны историка-марксиста Эгути Бокуро, профессора Токийского университета. Кстати, именно он стал первым президентом японского Общества исследователей истории России, созданного в 1956 г.

Интеллектуальная атмосфера послевоенной Японии характеризовалась брожением умов, которое было вызвано подъемом национально-освободитель-

ного движения в Азии, особенно «крестьянской» революцией 1949 г. в Китае, приведшей к власти режим Мао Цзэдуна. Китайская революция была немыслима без влияния советской цивилизации, но в то же время несла в себе возможность критического рассмотрения западноевропейских моделей развития. В целом это ускорило пересмотр японскими историками европоцентричной интеллектуальной традиции, возникшей после «реставрации Мэйдзи» (1868). Разразившаяся одновременно с китайской революцией война в Корее до предела накалила и без того напряженные советско-американские отношения, поставив на первый план в глобальной политике проблему мира.

Можно сказать, что китайская революция создала особое магнитное поле в послевоенной Азии. Большую часть населения азиатских стран составляло крестьянство, поэтому «азиатское магнитное поле», как его называли, определялось такими понятиями как «угнетенные народы», «крестьянство», «мир», «демократия». Погружаясь в изучение истории, Вада, по его собственным словам, в те годы много читал двух «властителей ума»: Такэути Есими, специалиста по современной китайской литературе, и Исимода Се, историка-марксиста, исследователя японского средневековья. Еще до войны Такэути чувствовал проявления «азиатского магнитного поля», а после войны видел, что теперь Япония возвращается к роли одной из частей Азии, что ей придется учиться у азиатских народов, до сих пор подвергавшихся агрессии, и что «современный Китай» куда прогрессивнее «современной Японии».

Мыслитель, обладавший даром интуиции, Такэути сосредоточился на постановке проблемы самобытной «модернизации азиатского типа». Обратившись к ленинской концепции «отсталой Европы и передовой Азии», он увидел в ней особую, русскую интерпретацию событий, отличную от евроноцептричной. Среди японских интеллектуалов Такэути и Исимода как раз и стали воплощением концепции «азиатского магнитного поля».

Первым научным трудом Вада стала его дипломная работа, посвященная народничеству. Народники, являвшиеся, согласно школе Оцука и представителей ортодоксальной советской историографии, «крестьянскими социалистами», относились к числу представителей идеалистического «гуманистического утопизма», а потому были достаточно «посторонней», неапажированной темой. По меркам того времени работа была написана на высоком уровне и встретила хороший прием в научных кругах. Уровень задавала капитальная монография итальянского историка Франко Вентури, появившаяся в 1952 г. В то же время работа отразила интеллектуальный климат тогдашней Японии, в том числе результаты перемен, вызванных «азиатским магнитным полем».

В то время перспективность подобной темы представлялась весьма неясной. Не оцененной должным образом, ей еще предстояло пройти через испытания и дожидаться справедливого суда. Однако Вада определился в выборе темы исследования, частично основываясь на аргументации Хинада Сидзума, который сумел преодолеть односторонность ленинских

суждений об аграрных отношениях. Это свидетельствовало о недогматическом понимании российского капитализма как среды, окружавшей крестьянское общество. Согласно этой трактовке, характер революционного народничества, о котором Вада как раз и писал, и крестьянской общины определялся как антикапиталистический, а не только как антифеодальный. Истолкованное таким образом понятие «крестьянская демократия» относилось не только к русской революции 1917 г., но было актуальным и для 1970-х годов.

В первой работе Вада следует выделить еще один важный момент: разграничение «крестьянской демократии» и «социализма как утопии». «Социализм» он рассматривал как утопию, побуждающую людей к действиям, пока не подвергая его более глубокому анализу. Сильной стороной работы Вада было признание исторической важности «крестьянской демократии» в связи с позитивной ее оценкой Лениным.

Будучи попутчиком советской цивилизации, Вада вступил в среду историков-русистов непосредственно под влиянием «азиатского магнитного поля». В этом оригинальность, своеобразие не только лично Вада, но также времени и места, эпохи и страны. До 1970-х годов основные научные интересы Вада сосредоточились на уяснении исторического значения революционного народничества.

Поступив на работу в Институт общественных наук при Токийском университете, Вада избрал для своей научной работы два главных направления:

- 1) русское общество нового времени как предпосылка русской революции;

2) история русской революции, включая идеи Ленина.

Первое направление предполагало структурный анализ русского общества. По крайней мере до 1970-х годов для Вада это был один из путей определения предпосылок революции 1917 г. Ученый много писал по этим проблемам, но специальной обобщающей работы так и не создал.

Самый ранний из затронутых им тогда периодов истории русского общества – эпоха Николая I, еще до отмены крепостного права; Вада посвятил специальную статью хлопчатобумажному производству в России этого времени. Самый поздний – первая мировая война и русская революция. Особо отметим статью об экономической политике С. Ю. Витте, направленной на империалистическую реорганизацию России. Все это работы 1960-х годов. Кроме того, Вада анализировал реформаторские планы М. Т. Лорис-Меликова, структуру правовой системы Российской империи, рабочую политику, пролетарское движение и т. д. Время шло, менялось понимание проблем: ученый занялся исследованием бюрократических институтов и ознакомлением японской научной общественности с работами американских историков-русистов.

Обращаясь к дореволюционной России, Вада не только не подпал под влияние схем теории формационного развития, но создал оригинальный базовый инструментарий для детального научного анализа, тем самым заложив основы изучения истории России в нашей стране. Отметим, что его концепции весьма схожи с «теорией модернизации» применительно к россий-

скому обществу нового времени. Осознавая это, он укрепился в критическом отношении к «теории модернизации», а в качестве своего рода компенсации все больше опирался на популистские идеи как неотъемлемую часть системы «азиатского магнитного поля».

Теперь обратимся к исследованиям, посвященным русской революции.

Первую работу на эту тему Вада написал еще будучи студентом. В пей он основывался на статье Э. Н. Бурджалова 1956 г. и книге Сиохара Хадзимэ, профессора юридического факультета Токийского университета, «Введение в исследование истории германской революции» (октябрь 1956 г.). Советской историографии был присущ сильный скептицизм относительно автономии политики. Сиохара успешно «схватил» динамический характер революции, признав эту автономию и трактуя феномен революции в рамках дихотомии «элита – массы». В то время, к счастью для молодого Вада, часть политологии уже освободилась от догматических марксистских трактовок. Работа Сиохара символизировала реабилитацию политики, в особенности массовой. Молодой Вада глубоко интересовался переменами в интеллектуальной обстановке Японии, происшедшими за короткий промежуток времени после окончания войны, и жадно набрасывался на все интеллектуальные новшества, даже отличные от «азиатского магнитного ноля».

В то же самое время, под влиянием работы Э. Н. Бурджалова, Вада начал заниматься изучением Февральской революции: опыт знакомства с исследованием представителя поколения советских

«шестидесятников», которому еще предстояло сформироваться, имел для молодого ученого большое значение. В течение всего времени Вада сознательно работал «в связке» с советскими историками-«шестидесятниками». И даже в условиях крушения советской цивилизации он прилагал усилия, чтобы по возможности сохранить те ее интеллектуальные и духовные основы, которые имели созидательный, конструктивный характер.

В 1967 г. вышел первый том монографии Бурджалова о Февральской революции. В следующем году Вада опубликовал большую работу на ту же тему, изложив в ней свои идеи. И в отношении фактов, и в отношении методологии она совершенно оригинальна, что видно, например, при сравнении ее с вышедшей в 1981 г. монографией американского историка-русиста японского происхождения Хасэгава Цуеси о тех же событиях. Опираясь на высказанные в работе 1968 г. положения, в 1970 г. Вада особо отметил важность структурного исследования революции. Под влиянием историка Великой французской революции Жоржа Лефевра он указал на комплексный характер русской революции как на ее важную особенность, выделив в пей «революцию рабочих и солдат», «революцию крестьян» и «революцию национальностей». В основу своей концепции Вада положил тезисы о русской революции как демократическом движении и о едином фронте революционных партий того времени.

В работах первой половины 1970-х годов ученый продолжил изучение этих проблем, опираясь на сфор-

мировавшееся у него понимание их сути. Первым шагом – и первым заметным итогом – стала двухтомная монография «Николай Руссель. Народник, перешедший много границ» (1973). Вторым этапным событием стал выход в 1975 г. книги «К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия». Третьей значительной работой профессора Вада этих лет стал сборник статей «Мир крестьянской революции. Есенин и Махно». Тема книги – не только личность поэта Есенина и революционера Махно, но и бытовавшие среди русских крестьян представления о царе-избавителе. Интерес к сознанию и верованиям крестьянства был присущ Вада еще со студенческих лет. Даже такую тему он смог поместить в «азиатское магнитное поле» (разумеется, понимаемое в широком смысле), что неудивительно: в дозоепные годы японские крестьянские массы тоже отличались исступленной верой в императора, так что сюжет оказался весьма интересным с точки зрения компаративистики.

В 1977 г. Вада опубликовал специальную работу об эсерах, деятельность которых положительно оценивал еще в 1965 г.

В трудах Вада этого периода, когда он связывал историю русского общества нового времени и народнического движения с «азиатским магнитным полем», можно видеть определенные параллели с поздней фазой школы А. Л. Сидорова в советской историографии. В чем эти параллели? В осознании многоликости предреволюционной России, где высокоорганизованный капиталистический порядок в экономике сосуществовал с чудом сохранившимся крестьянским миром, имевшим все характерные

признаки отсталого общества. В учете многонационального характера Российской империи. В этих работах Вада поднимает проблемы философии и методологии истории, стараясь в полном объеме понять сложную структуру Российской империи, мир в широком смысле, вырванный из оков ортодоксальной советской космологии. В признании многообразия мы видим примечательное сходство с позицией уважения «открытых демократических возможностей». Поэтому вполне естественно, что Вада и М. Я. Гефтер почувствовали друг в друге единомышленников.

Позиция Вада с ее уважением к самостоятельности крестьянства, которое составляло подавляющее большинство населения России, совпадала с позицией советских историков аграрного общества В. П. Данилова и Н. А. Ивницкого. Взгляды советского исследователя В. Г. Хороса, специализировавшегося на народничестве и предпринявшего сравнительное исследование России и стран «третьего мира», также во многом совпали с воззрениями Вада.

В первой половине 1970-х годов, особенно после введения советских войск в Чехословакию в 1968 г. и заметно усилившегося стремления к переоценке Сталина и сталинизма, реформаторские попытки «школы Сидорова» в советской историографии сошли на нет. В 1979 г. последовало советское вторжение в Афганистан. В Советском Союзе воцарялось безмолвие, а за его пределами, в условиях укрепления еврокоммунизма, все большее распространение получало научное изучение феномена сталинизма.

С изменением условий новые тенденции наметились и в работах профессора Вада. Здесь в первую очередь следует отметить его обращение к теме «Советский Союз как система».

Можно сказать, что до определенного времени ученый не задумывался над экспрессией этой проблемы, особенно применительно к феномену сталинизма. В работах Вада русская революция 1917 г. представлена как «праздник освобождения» и «конечная станция» истории России. Как знать, может, он предвидел возможность разрешения проблем советского общества путем возвращения к идеям народников и эсеров... До того времени он ничего не писал о сталинизме, но это нельзя считать проявлением равнодушия. В период после критики «культы личности», начиная с «дела» редакции журнала «Вопросы истории», профессор Вада неизменно считал залогом успеха своей научной работы поддержку движения за демократизацию в Советском Союзе, следование за работами «шестидесятников» и обеспечение конструктивного диалога с ними. Познакомившись с вышедшими в 1973 – 1974 гг. в Японии книгами Р. А. Медведева, в 1976 г. он опубликовал статью «Историки и историческая наука в послевоенном Советском Союзе» о тенденциях в изучении советской истории применительно к внутренней ситуации в стране. Однако даже в статье 1977 г. «Критика культуры личности Сталина, 1953—1956 гг.» Советский Союз еще не рассматривался им как система.

Статья 1970 г. «Противоречия русской революции» уже не удовлетворяла автора. Он должен

был решительно вступить на путь формирования собственного взгляда па Советский Союз, перейти к созданию оригинальной теории сталинизма. Находившийся ранее под воздействием схемы «империалистического понимания мира», созданной Лениным, отцом советской цивилизации, Вада начал выбираться из-под «марксистского зонтика», но для осмысления советского феномена во всей его полноте нужен был еще один скачок. Поворотным пунктом для Вада стало его пребывание в СССР в 1978 – 1979 гг. Свою роль сыграли и реалии того, что называлось «социализмом», и непосредственная связь с участниками диссидентского движения, а также историками, группировавшимися вокруг Гефтера, – носителями протестного сознания. Это произошло, хоть и потребовало времени.

Впечатления от СССР периода застоя получили яркое отражение в большой статье «Политическая логика советского антифашизма» (1980). Это была первая работа, в которой Вада по-настоящему анализировал Советский Союз как систему.

Закладывая основы нового подхода к истории СССР, профессор Вада начал с переосмысления идей и деятельности Ленина, видя в них основу основ. Не поняв Ленина, невозможно понять ни Октябрьскую революцию, ни советскую цивилизацию в целом. Но теперь требовалось иное прочтение ленинских теорий.

Постепенно Вада осознавал, что ни Февральская, ни Октябрьская революции не стремились к социализму. Ленин и его соратники официально заговорили о «социализме» лишь после того, как демократическое дви-

жение и его идеология достигли апогея в январе 1918 г. Ученый еще прямо не писал об этом, но «противоречия русской революции» были на деле выявлены им уже в ходе серьезного обсуждения подлинного характера советского государства. Согласно выводу Вады, проблема заключается во взаимоотношениях государства и идейной сущности того, что Ленин на практике называл «социализмом» с тех пор, как сделал па него ставку.

В начале 1980-х годов Вада стал серьезно перечитывать Ленина, а также Бухарина, споря с профессором Принстонского университета Стивеном Коэном, автором книги «Бухарин. Политическая биография». В отличие от Бухарина, Ленин весьма оптимистически смотрел на прогрессировавшее в ходе Первой мировой войны укрепление государства. То, что в Германии было известно как «военный социализм» или «социализм военного времени», Ленин назвал «государственно-монополистическим капитализмом» и положительно оцепил его как ближайшую предпосылку социализма. «Социализм», к которому стремился Ленин, был ничем иным как «государственным социализмом», который позднее и воплотился в советской системе. Подобная трактовка решений Ленина выглядела как измена священным принципам «азиатского магнитного поля», как решительный прыжок в принципиально другой мир. Во всяком случае, именно это стало теоретической основой нынешнего понимания профессором Вада советской цивилизации, обрамлением его самобытной концепции двадцатого века.

Начиная с дипломной работы, он функционально разделял понятия «крестьянское демократическое

движение» и «социализм как утопия», что позволило ему конкретно-исторически оцепить ленинское понимание социализма. В радикальной переоценке Ленина японский историк опередил других, особенно в сравнительном анализе основ и источников ленинских концепций.

Используя четко сформулированное понятие «эпоха мировых войн», профессор Вада в работе 1983 г. определил русскую революцию 1917 г. как характерную именно для этой эпохи. Поэтому и значение Первой мировой войны – применительно к революции – предстало теперь в несколько ином свете.

Характеризуя систему «государственного социализма» как единство партии, государства и общественных организаций, Вада высказался в пользу теории стадийного развития государственного социализма. В статье «Периодизация истории системы государственного социализма» (сентябрь 1984 г.) он дал вполне оригинальный теоретический очерк системы сталинизма. Например, сталинизм он понимал как систему страха вторичных структур, построенной на системе «государственного социализма», где даже семья стала опорой системы. При Хрущеве эти вторичные структуры были ликвидированы, произошел поворот политики в сторону допущения частной жизни, начиная с «открытия семьи», в силу чего повседневная жизнь в СССР приобрела двойственный характер. Ну, а при Брежневе государственный социализм достиг своей зрелости и потерял динамичность.

К началу перестройки у профессора Вада уже сформировался свой самостоятельный взгляд на советскую цивилизацию. Во время перестройки пони-

мание русской и советской истории углубилось, но не испытало существенных колебаний. Даже после падения берлинской стены и распада СССР Вада настаивал, что перестройка продолжается. Здесь несомненно отразилось то макроскопическое понимание современной советской и мировой истории, которое сложилось у него еще до 1985 г. Говоря в итоговой монографии «Социализм как история» (1992) о всемирно-историческом значении советской цивилизации, ученый дал ей обобщенную и в то же время гибкую характеристику, касаясь таких явлений как социалистическая утопия, социалистическая идеология, марксизм, типы государственного социализма в Азии и Восточной Европе и т. д.

Еще одной важной тенденцией в работах профессора Вада последнего десятилетия стало появление новой темы: Советская цивилизация и Северо-Восточная Азия.

В результате перестройки, а затем и распада СССР ученым стали доступны архивные материалы о дальневосточной политике Коминтерна. Знакомство с ними позволило более четко осознать всемирно-историческое значение советской цивилизации и посмотреть на «азиатское магнитное поле» с другого угла. Теперь в центре научных интересов профессора Вада оказались война в Корее и коммунистическое движение на Дальнем Востоке, а результатом стали первоклассные работы по трем направлениям исследования.

Первое – проблемы Северной Кореи, в изучении которых был сделан огромный шаг вперед, благодаря интенсивному использованию документов из совет-

ских архивов. Этой теме посвящены монографии «Ким Ир Сен и апти-японская партизанская война в Маньчжурии» (1992), «Корейская война» (1995), «Северная Корея: настоящее партизанского государства» (1998). Второе направление – русско-японские отношения с особым вниманием к проблеме «северных территорий», о которых говорится в книгах «Размышления о проблеме “северных территорий”» (1990), «Открытие страны: японо-российские переговоры, 1853 – 1855 гг.» (1991) и «Проблема “северных территорий”: прошлое и будущее» (1999). Третье направление – история Коммунистической партии Японии, противоречивой биографии одного из лидеров которой профессор Вада посвятил книгу «Носака Сандзо в истории» (1996).

Применительно к этим работам заметим, что подход автора в них явно отличается от того, который был до 1970-х годов. Пока он находился под влиянием советской цивилизации, наиболее важным для него была пропаганда идеи противостоящего империализму, сплоченного демократического азиатского мира. Взглянув на события по-новому, он больше не выступал с боевыми призывами, как раньше. Напротив, теперь профессор Вада призывает к развитию конструктивного диалога и переговоров с официальными инстанциями (включая дипломатические) всех стран региона, чтобы создать в нем атмосферу доверия и сотрудничества, «общий дом». Такие перемены в его позиции непосредственно связаны с идеями Гефтера периода перестройки, который горячо призывал к тому, чтобы выбираться из катастрофической ситуации общими усилиями.

Как регион Северо-Восточная Азия в ее нынешнем виде сложилась под воздействием Второй мировой и «холодной войны», то есть является, по терминологии профессора Вады, продуктом «эпохи мировых войн». Видя свою миссию в том, чтобы способствовать преодолению этих последствий, ученый обратил к региону все свое внимание.

Профессор Вада вступил на путь изучения истории России, благодаря воздействию «азиатского магнитного поля», и сумел успешно создать в науке свой самобытный мир. Смысл его сегодняшней деятельности – отдать долг «азиатскому магнитному полю» (разумеется, включая и соответствующую часть постсоветского пространства).

Борис ИТЕНБЕРГ

Замечательный друг России

Дорогой профессор Вада, в эти юбилейные для Вас дни, я перебираю в памяти наши встречи и долгие разговоры, перечитываю Ваши книги. Трудно представить, что прошло тридцать лет со дня нашей первой встречи, когда мне была оказана честь быть Вашим научным руководителем в Москве. Поверьте, это было совсем не трудно, поскольку Вы вполне сложились, как глубокий и пытливый ученый, со своим мнением по самым разным вопросам прошлого, со своим особым кругом друзей, бывших не в милости у тогдашних правителей – Эдуард Бурджалов, Михаил Гефтер, Виктор Данилов, Константин Тарновский. Они уже не с нами, но Вы сделали все, чтобы память о них сохранялась как можно дольше, чтобы их творческое наследие стало достоянием мирового сообщества россиеведов.

Я радуюсь, что у нашей страны есть такой замечательный друг, как Вы. Вы всегда были с Советским Союзом, с Россией, даже тогда, когда от нас отворачивались очень многие в Вашей стране. Благодаря Вашим усилиям многие наши историки смогли познакомиться с замечательной Японией, ее университетами,

одаренными Вашими учениками и коллегами. Верю, что они продолжают дело, начатое Вами.

Уверен, что Ваш юбилей открывает новую полосу Вашего творческого подвижничества и реализации интересных замыслов. Пусть этому способствуют понимание родных и близких, и, конечно, крепкое здоровье.

Сердечно Ваш, Б. Итенберг

Лариса ЗАХАРОВА

Забота о молодом поколении

Это было в октябре 1993 года. Я собиралась в Японию на конгресс славистов с докладом о Великих реформах в России. Неожиданно в моей квартире раздался звонок из Токио. Профессор Харуки Вада, с которым я хотя и была знакома, но знала его в основном только по книгам, попросил меня выступить в Токийском государственном университете перед его учениками с лекцией о моем учителе – профессоре Московского университета Петре Андреевиче Зайончковском. Я с радостью согласилась, тем более, что уже начала подготовку конференции к его девяностолетию.

Когда я была уже в Японии, Харуки Вада при нашей первой встрече уточнил, что он и его ученики хотят услышать от меня не столько об исследованиях П. А. Зайончковского, сколько о его преподавательском мастерстве, о его общении со студентами и аспирантами, о его семинарах и лекциях, о влиянии его личности на формирование молодого поколения будущих историков. Именно этот аспект жизни и деятельности Петра Андреевича был мне особенно

дорог. Ведь я провела рядом с Учителем все годы его профессорства в Московском университете (с начала 1950-х годов до последних дней его жизни в сентябре 1983 г.), успев защитить свою докторскую диссертацию за несколько месяцев до его кончины. Для Харуки Вада Петр Андреевич тоже не был только автором широко известных многочисленных исследований и публикаций.

В период стажировки в Москве научным руководителем Харуки Вада был доктор исторических наук Борис Самуилович Итенберг – первый по времени ученик П. А. Зайончковского. Так что Харуки Вада мог ощущать свою причастность, хотя и косвенно, к яркому и значительному направлению в русской историографии 1950 – начала 1980-х годов, связанному с творчеством и деятельностью профессора П. А. Зайончковского.

Никогда не забуду этот семинар учеников Харуки Вада в Токийском университете. Было человек 25 студентов и аспирантов. Они слушали меня не просто внимательно, а затаив дыхание в буквальном смысле слова. А потом были бесконечные вопросы, в которых проявлялся неподдельный интерес. Казалось вопросы не иссякнут никогда, и Харуки Вада по истечении трех часов этой живой беседы вынужден был напомнить своим ученикам, что пора кончать и дать мне отдохнуть.

Я вынесла из этой встречи впечатление о глубокой почтительности японцев к своему учителю Харуки Вада, к П. А. Зайончковскому и к Учителю вообще. А вместе с тем в общении Харуки Вада со своими учениками я увидела много схожего с Петром Андреевичем.

Х. Вада и Л.Г. Захарова
на заседании секции Международной научной конференции,
посвященной 100-летию П.А. Зайончковского, 29-30 сентября 2004 г.

Л.Г. Захарова и Б.С. Итенберг

А.В. Мамонов

Спустя 10 лет я с таким же интересом и удовольствием наблюдала отношение Харуки Вада к нашей российской молодежи, в частности, к моим ученикам. Это было в 2004 году на международной конференции, посвященной столетию П. А. Зайончковского. Профессор Вада выступал с докладом «Политические взгляды и стратегия М. Т. Лорис-Меликова». Перед ним его учитель Б. С. Итенберг делал доклад «М. Т. Лорис-Меликов и доктор Н. А. Белоголовый». А после Харуки Вада конференция слушала доклад моего ученика, кандидата исторических наук А. В. Мамонова «Граф М. Т. Лорис-Меликов и формирование правительственной политики. 1880 – 1881 гг.».

Все три докладчика, конечно, признавали связь своих исследований с книгой П. А. Зайончковского «Кризис самодержавия на рубеже 1870 – 1880 годов» (М., 1964), с традициями его школы, для которой всегда был характерен интерес к проблемам внутренней политики самодержавия. Эта преемственность в тематике, 50 лет назад разрабатывавшейся П. А. Зайончковским, воспринималась как явление естественное в развитии историографии. Удивило и обрадовало другое – внимание ученого с мировым именем Харуки Вада к работе совсем молодого исследователя, Мамонова. И хотя их видение и интерпретация важного в истории России сюжета, судьбоносного, далеко не во всем совпадали, Харуки Вада это обстоятельство, как впрочем и возраст юного докладчика, не смущали, не раздражали, напротив, вызвали уважение и особый повышенный интерес.

После конференции Харуки Вада не раз спрашивал меня, когда появится книга А. В. Мамонова,

Х. Вада среди участников конференции
29-30 сентября 2004 г.

которую он ждет. В этих вопросах чувствовалась забота профессора и учителя, каким является Вада, о молодом поколении, которое способно достойно продолжить дело своих учителей. Надо сказать, что забота и внимание к своим юным коллегам из России характерны для зарубежных историков-русистов старшего поколения. Профессора Харуки Вада, Теренс Эммонс (США), Доминик Ливен (Великобритания), Дитрих Байрау (Германия) и многие другие искренне радуются успеху начинающих российских историков. Душевная щедрость и стремление содействовать молодым, передавая им свой профессиональный и человеческий опыт одинаково присущи этим ученым, таким далеким географически и таким близким в качестве наставников и попечителей.

Валентина ТВАРДОВСКАЯ

Коллега из Японии: взгляд с о стороны

Об японском исследователе русского общественного движения Харуки Вада я узнала в 1975 г., получив его книгу «Маркс, Энгельс и революционная Россия» (Токио, 1975) с автографом: «Уважаемой коллеге Валентине Александровне Твардовской». Возможности коллеги из России автор хорошо понимал: в книгу был вложен русский перевод содержания и фрагмента заключения, относившийся к проблеме взаимодействия марксизма и народничества, где цитировалась моя работа «Социалистическая мысль России на рубеже 1870-80-х гг.». В самой общей форме я обращала внимание, что не только марксизм повлиял на народническую мысль, но и народничество оказало свое воздействие на Маркса и Энгельса. В советской литературе такая постановка вопроса не приветствовалась и проходила с трудом. Харуки Вада не просто поставил эту же проблему, но и по своему обосновал воздействие на марксово учение русского народничества.

Взаимоотношения Маркса, Энгельса и народничества интересовали автора в исторической перспективе – начиная с конца 60-х гг. XIX в. до периода

Х. Вада с Б.С. Итенбергом и В.А. Твардовской
в секторе истории СССР периода капитализма
Института истории СССР АН СССР, 1978 г.

коллективизации в СССР. Он рассматривал не только «ход идей», но и «ход вещей», анализируя идеологию народничества в разной исторической обстановке, «игнорирование и наследование» ее компонентов эсерами и социал-демократами, большевиками и меньшевиками. Рассматривал не только полемику вокруг крестьянской общины, но и судьбы самой общины. Как и в советской, так и в нынешней нашей исторической литературе я не знаю исследования такого масштаба, столь многопланового по проблематике.

Приехав в нашу страну впервые в 1975 г. Харуки Вада стал систематически бывать в Москве и Ленинграде для работы в архивах. При самом

широком использовании русской дореволюционной и советской литературы, ему, как настоящему исследователю, необходимо было непосредственное соприкосновение с документами. Он был частым гостем Института истории СССР АН (затем Институт российской истории РАН), где обрел ряд друзей. Я не принадлежала к их числу, но много слышала о нем от своих друзей – Б.С. Итенберга, М.Я. Гефтера, К.Н. Тарновского. Мое общение с японским коллегой (как правило, в секторе истории России периода капитализма) было не частым, но всегда запоминающимся. Чувствовалось, что его интерес к происходящему и в нашем институте, и в стране – живой и неподдельный. От своих русских друзей, по признанию Харуки Вада в книге «Россия как проблема всемирной истории» (М., 1999), он узнавал «о достижениях и болезнях России». Он был далеко не безучастным наблюдателем общественно-политических событий в нашей стране. Это видно из той же его книги, где рассказано, как горячо и заинтересованно автор обсуждал их вместе с русскими единомышленниками.

Помню Харуки Ваду в начале «перестройки» на конференции, посвященной П.А. Кропоткину, где мы оба выступали. Помню его на гражданской панихиде К.Н. Тарновского. Об этой нашей встрече он упоминает в названной книге.

В ней Харуки Вада, один из первых в печати, рассказал о судьбах таких талантливых и честных историков как Константин Николаевич Тарновский и Виктор Петрович Данилов, которым «идеологическая дисциплина» помешала осуществить полностью свои

научные планы и замыслы, реализовать свои способности. С искренней горечью написал об этом японский историк, отдавая должное всему сделанному советскими исследователями в тех трудных для науки условиях, когда ею руководил ЦК КПСС.

Харуки Вада хорошо знал «кто есть кто» в русской исторической науке. Он с первых же встреч оценил М.Я. Гефтера как серьезного мыслителя, многое записав из бесед с ним. Диалоги Харуки Вада с Гефтером, опубликованные в книге «Россия как проблема всемирной истории», сохранили для нас взгляд этих единомышленников на перестройку – изнутри и из вне страны.

Мне очень дорога оценка этим знатоком русской общественной мысли и русской журналистики роли и места «Нового мира» А.Т. Твардовского в литературной и идейной жизни 60-х гг. XX в., как передового демократического журнала. Я слышала ее и от самого Харуки Вада и в передаче наших общих друзей. Не побоюсь сказать, что в истории и современности России Харуки Вада разбирался порой глубже, чем многие российские историки и политики.

Татьяна ФИЛИПОВА

Преодоление особенностей русского климата

Впервые я увидела профессора Ваду в Москве, где-то в конце 1970-х, при обстоятельствах серьезных, но мало располагавших к академическому дискурсу. А именно: на больничной койке. Московский гололед в сочетании с нерадивостью столичных дворников драматически сказались на ходе стажировки японского исследователя...

С мужеством самурая и спокойствием восточного мудреца Вада-сан переносил все национальные особенности советской травматологии. Не понаслышке зная прелести отечественного «общепита» и стремясь хоть как-то скрасить энергичному гостю из «страны восходящего солнца» его временное бездействие, мой научный руководитель Борис Самуилович Итенберг (он же – научный руководитель тогдашнего стажера Харуки Вада в Москве) поручил мне порадовать своего японского ученика вкусной едой, причем непременно домашней.

Встал закономерный вопрос: что есть «домашняя еда» для нашего гостя? В тогдашней Москве и слыхом не слыхивали ни о каких «суши», «сурими» и прочей экзотической «темпуре». Так что и альтернативы не

было: пирожки с капустой и говяжьи котлеты были срочно приготовлены и принесены к одру японского исследователя особенностей российского общественного движения. Наградой мне была отнюдь не дежурная улыбка японского коллеги (молодого, кудрявого, стройного и добродушно-обаятельного), а также самая убедительная похвала за кулинарные доблести – быстрое освобождение принесенных мисок от их содержимого.

Дальнейший опыт общения с профессором Вада был менее драматичным, но не менее интересным. Постепенно – от работы к работе, от выступления к выступлению – складывался образ исследователя, чрезвычайно мягкого и радушно в личных контактах с коллегами и весьма принципиального и последовательного в своих научных позициях. С моей стороны было бы излишним рассказывать коллегам

по историческому цеху о заслугах Харуки Вада перед русистикой, а также цивилизационными исследованиями стран Северо-Восточной Азии. Хотелось бы только отметить особые свойства личности, столь удачно воплотившиеся в профессиональных занятиях уважаемого японского исследователя.

Природная доброжелательность в сочетании с продуманной открытостью Иному – другому человеку, другой культуре, другому обществу и менталитету – отразились в его творчестве, создав феномен того, что по праву можно назвать «феноменом Вада».

Не без влияния этих сугубо личностных свойств мы видим в научной позиции историка явное, отчетливое неприятие пресловутых концепций «отсталости» и «дикости» России, коими многие западные (и не только) исследователи явно и упорно злоупотребляют. Эти же свойства профессора Вады делают траекторию его размышлений на тему российской истории свободной от теоретического догматизма, мировоззренческой предвзятости и схематической умозрительности. Отсюда же – и признание многообразия исторических путей развития общества и государства, столь характерное для позиции Харуки Вада, и свойственная ему апология диалога, неизменное стремление «здесь и сейчас» создавать атмосферу доверия, сотрудничества и приязни между интеллектуальными элитами России и Японии, между народами и культурами наших стран.

...Сегодня в Москве, да и в России в целом, хорошо знают, что такое «суши», любят и ценят японскую культуру, искусство, автомобили и боевые искусства. Работы профессора Вада доступны рос-

сийскому читателю, а контакты с японской научной общественностью перешли из разряда экзотики в содержательный, чем-то даже привычный, научный процесс. (Правда, превратности московской зимы с непременным гололедом и муниципальным рото-зейством все еще создают ряд угроз, и не только для японских стажеров...). Но в том, что общий климат российско-японских профессионально-научных и общественных контактов значительно смягчился и обещает новые плоды, видится значительная роль Харуки Вада, создавшего самобытный мир исследовательского интереса к нашей стране и гостеприимно впускающего в этот мир всех, готовых разделить с ним научный этос интеллектуальной честности и исследовательского мужества.

Виктор ШЕЙНИС

Мой друг из далекой Японии

Я осмелился назвать профессора Харуки Ваду своим другом, хотя встреч наших с ним в России и Японии было не столь уж много. Но с первого знакомства между нами возникли взаимные токи приязни, интереса, дружелюбия, доверительности, какие случаются меж незнакомыми прежде людьми нечасто. Я не столь самонадеян, чтобы отнести это сразу и исключительно к себе. Харуки Вада – очень интеллигентный, открытый, искренний и добрый человек с неподдельным интересом к людям. Историк «от Бога», он твердо, вероятно, даже в подсознании знает, что источник понимания чужой страны – не только книги и архивные документы, но живые люди, чье слово, или даже улыбка, или взгляд могут сказать подчас больше, чем толстые фолианты.

О Ваде я впервые услышал в доме у Михаила Геллера, руководителя сектора методологии истории Института истории Академии наук, где дискуссии собирали историков со всей Москвы. Слава о них, сыгравших выдающуюся роль в интеллектуальной жизни в «оттепельные» 60-е годы, шла по стране. К тому времени, когда я переехал из Ленинграда

в Москву, сектор Гефтера уже был разгромлен идеологическими охранителями (для этого, правда, понадобилось расчленить Институт истории на два учреждения), а его руководитель отставлен. Но к нему, человеку интеллектуально смелому, феноменально креативному по-прежнему тянулись советские историки, отвергавшие официальную догматику, и зарубежные исследователи, изучавшие историю России. Не знаю, когда и как к нему пришел Харуки Вада, но помню, с какой добротой и восхищением говорил Михаил Яковлевич о молодом еще тогда японском ученом, полюбившем нашу страну и старавшемся ее понять.

Он стал своим человеком в доме Гефтера. И вдруг однажды, во время одного из своих приездов, непонятным образом Вада исчез. Когда он объявился вновь, рассказывал Гефтер, выяснилось, что Харуки отправился в Алма-Ату, чтобы увидеть и сфотографировать дом, в котором последние месяцы своей жизни в СССР провел Троцкий: российскую историю он изучал не по советским изданиям. То ли точка съемки была неудобной, то ли дали о себе знать охранители «объекта» – Харуки упал и сильно ушиб позвоночник. В следующий приезд в Москву он безо всяких эмоций, с истинно самурайской отстраненностью, поразившей Гефтера, как будто о ком-то другом, рассказал о падении, о дикой боли, пронзившей его, об участливых врачах и поистине скотских условиях заштатной советской больницы...

Для меня же знаковым было то, что Вада пришел в дом Гефтера и стал его постоянным гостем: в далекой и еще мало ему знакомой Москве он знал, к кому идти.

Х. Вада в гостях у В.Л. Шейниса
начало 2000-х гг.

Знал, потому что еще до первого приезда в СССР выучил русский язык и немало прочитал о нашей стране. Знал он в том числе и о дискуссиях, то и дело перехлестывавших границы дозволенного после XX съезда, и о направляющих нашу науку указующих перстах «историков в штатском», чье служебное положение наделяло их статусом хранителей истины в последней инстанции. В этой его осведомленности в наших делах, не столь часто встречающейся у иностранных ученых, я не раз имел возможность убедиться, когда мы познакомились ближе. Кстати, первая наша встреча с Вадой состоялась тоже в доме Гефтера в начале 80-х гг. В первые годы горбачевской перестройки мы с Харуки живо обсуждали набегавшие события,

размышляли о перспективах. Меня всегда привлекала не только эрудиция и глубокий ум моего собеседника, но и человеческая заинтересованность в том, что и как будет меняться в СССР.

В те дни мне, глухо «невыездному», и привидеться не могло, что Харуки Вада вскоре будет привечать меня в Токио, водить по улицам этого фантастически устроенного после войны города, что беседы наши продолжатся в ресторанчиках сверкающей Гинзы и поблизости от мавзолея Мэйдзи в парке, куда мы пришли после совместного выступления на национальном телевидении Японии. Запомнились конференции по проблемам России и Восточной Европы в университетах токийского города-спутника Чива и в самом Токио в 1994 и 1996 гг., на которые Вада собирал интереснейших людей: среди них – известных социологов Игоря Клямкина и Татьяну Кутковец, ленинградского историка, с которым мы вместе кончили Ленинградский университет, Руслана Скрынникова, прославленного российского писателя Фазиля Искандера и писателя-эмигранта из СССР Владимира Гениса, одного из ярких идеологов польской «Солидарности» Ядвигу Станишкис, последнего коммунистического премьера ГДР Ханса Модрова и, конечно, пристально следивших за последним актом советской драмы японских специалистов.

И было не только поучительно, но тепло и приятно наблюдать профессора Ваду в кругу его сотрудников и учеников – уважаемого и авторитетного мэтра и вместе с тем – по-отечески заботливого наставника, формального и неформального лидера. Ученый с национальным и мировым именем в своем университете

светился добротой и внимательностью и к приглашенным гостям, и к тем, кто вместе с ним трудился, создавая творческую и психологически комфортную атмосферу на конференциях

Времени, впрочем, отводилось немало и на искусно составленную культурную программу (Вада понимал, с каким жадным интересом его гости вбирают японские впечатления), и на обсуждение внеконференциальных сюжетов. В Японии мне довелось побывать и раньше, в 1992 и 1994 гг. в составе парламентских делегаций, и потом, в 1998 г. – с группой ученых ИМЭМО РАН, и каждый раз встречи с Вадой были праздником. Запомнилось, например, как в номере нашего отеля мы смотрели телепередачу в прямом эфире с заседания парламента, а Харуки по ходу комментировал ход голосования, в итоге которого премьером стал представитель социалистической партии.

Едва ли не чаще других в наших разговорах возникала болезненная тема Северных территорий (Южнокурильских островов). Позиция профессора Вады отложилась в моей памяти так. Проблема в известной мере нагнетается в Японии искусственно. Большинство населения, в особенности молодежь, к ней индифферентны. Но проблема требует решения: она занимает прочное место в повестке дня японской политики, о ней не дают забыть потомки выселенных с островов японцев. В наибольшей мере созрел для решения вопрос о скалах Хабомаи (геологически это бесспорное продолжение о-ва Хоккайдо) и о-ва Шикотана, принадлежность которого к Курилам проблематична. Но вопрос о возвращении этих двух территорий решен советско-японской декларацией 1956 г. Ее надо вы-

полнять. Что же касается Итурупа и Кунашира, то на данном этапе надо договариваться об их совместной эксплуатации, а дальнейшую судьбу следует оставить будущему. Пока же надо условиться о демилитаризации и защите природы на всех четырех островах. Японии следует признать право России на управление (но не суверенитет над) двумя северными спорными островами до окончательного решения вопроса. Позиция проф. Вады, на мой взгляд, наиболее взвешенна и практична. К сожалению, до сих пор ее оказались неспособны понять и принять ни правительство Японии, ни правительство России, хотя, как я вынес из разговоров с некоторыми дипломатами в российском посольстве в Токио и японском – в Москве в 1990-е годы, именно в этом направлении лежит реалистическое решение спора. Сегодня, по-видимому, позиции сторон ужесточились и обострились. Точка зрения научной интеллигенции трудно и с запозданием доходит до истеблишмента.

Мне хотелось бы пожелать Харуки Ваде, высококлассному ученому, милому и обаятельному человеку, другу моему и моей страны по случаю его 70-летия – здоровья, сил, творчества, радостей, каких только можно ждать в нашей труднопредсказуемой жизни.

Валентин ГЕФТЕР

Аристократ с Востока

Писать о таком человеке как профессор Вада нечто покое юбилейное – дело для непрофессионала непростое и «не по средствам». Оправдывают меня два обстоятельства. Одно состоит в почти необъяснимом для мало что понимающего в загадочной японской душе восхищении этим человеком, пришедшим к нам совсем из другой культуры и образа жизни. И второе – его связь с нашим домом (про другие московские и питерские не ведаю). Этим мы обязаны отношению Харуки Вада к моему отцу, Михаилу Яковлевичу Гефтеру.

Сейчас не упомнить, как и почему произошло появление Харуки у нас. Видимо, он читал, как и полагается добросовестным, особенно японским, исследователям какие-то «остаточные» публикации Гефтера на темы русской истории – к середине 70-х совсем было исчезнувшие из советского научного оборота. Немного представляя себе молодого Харуки, можно реконструировать и то, что он просто спросил у кого-то в Институте истории наш адрес или телефон.

Так что воображение памяти дает уже картину его присутствия в черемушкинской малогабитритке или, вернее, его встреч с М.Я. и его семьей.

В первый раз это должно было начаться с глубокого поклона Харуки при представлении жене и сыновьям, да и всем, наверное, кто бывал в доме. Или того, как выглядела общая беседа за чаем, когда ему приходилось не только отслеживать многоголосую русскую речь сразу обо всем, но и тщательно подбирая слова (с некоторой видимой мУкой на лице), вписываться в разговор. А велся он не только «о текущем моменте», но и «во всю глубину» русской и советской истории, то есть прошлого, помноженного на его последствия и процесс изучения, одновременно.

Трудно сейчас отделить первое появление Харуки и начальные визиты от последующих, уже с небольшими и неслучайными презентами, долгими разговорами о русском XIX-м (предмет его научных интересов того времени, как я понимаю) и бытовой «текучкой» пребывания иностранца в тогдашнем Союзе. В памяти больше остаются смешные мелочи вроде ответной реплики Харуки на реакцию мамы на японский календарь с прекрасными женскими изображениями: это все Будда.

Немногословный и избыточно для нас почтительный в отношении «профессора» Гефтера и его семьи, он представлял собой если не урок, то образ аристократа и Востока сразу. Может, оттого, что в нашем бытовании в те годы мало было поводов и случаев для знакомства как с тем, так и с другим. Именно поэтому эпизод с его исчезновением надолго и выясненной заметно позже причиной – падением с забора охраняемого объекта в Алма-Ате – казался нам таким диковинным. Хотя иностранцев, причем самых разных, немало перебивало в нашей квартире тех лет, все же Вада был среди них самой экзотической фигурой. И вместе с тем, он стал вполне домашним человеком, почти своим.

Задумываясь сейчас о природе этого, трудно подобрать однозначный ответ. С одной стороны, дело в том, что Харуки естественно выглядел как открыватель явно нового для него мира – не столько в бытовом отношении и даже, позволю себе думать, не в научном (несомненно, он много читал и знал по предмету своих исследований). А еще и потому, что неразрывность прошлого от настоящего и идеаль-

ных представлений о том, как надо или можно было бы жить на этом «шарике», вряд ли были ожидаемы в представлении молодого японского слависта о советской действительности. Не исключаю и другого – стиль гефтеровской жизни, далекой от любой официальщины, даже самой любезной, и, главное, образ его мыслей все же были разительным контрастом для Вады, не часто попадавшего в нишу, свободную от привычных для того периода запретов и границ. Но это уже чисто ненаучная гипотеза...

Почему Харуки Вада многие годы называет себя учеником Михаила Гефтера – не мне судить. Но после ухода отца из жизни, одним из редких, если не единственных, где за границей (о России отдельный разговор) возник семинар, посвященный его памяти и идеям, имел место в Японии – у профессора Вады. Мы получали фотографии этих встреч, видели (увы, на японском) книги Вады и его школы, как-то связанные с наследством Гефтера. И это разительно отличалось от многих других случаев, когда подходы и идеи отца использовались его «учениками» и коллегами или очень вольно, или просто без ссылки на их происхождение. И это тоже характерно для Харуки и того, что мы распространяем на все истинно японское.

Вернусь к началу. Только сейчас мне стало ясно: несмотря на совсем небольшую разницу в возрасте (семь лет), и отталкиваясь от того, что выглядит как разительный контраст между почтенным профессором из Токио со своей школой, местом в науке и человеком моего типа и занятий, мы – «птенцы» одного гнезда, общей линии жизни. И этим мы обязаны не только тому, что Харуки всю жизнь занимается рус-

ской историей и, даже не имени Михаила Гефтера, а всему складу души человека, которому посвящен настоящий сборник. Как говаривали когда-то: он – из нашего «профсоюза». И не так уж важно, сколько ему исполнилось лет и как далеко он находится. Существеннее гораздо, чтобы Харуки был здоров и успешен, а наша связь не прерывалась.

Кирилл ШИРИНЯ

У него многому можно поучиться

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ) и Фонд японских историков в 1996 году начали работу над совместным проектом – сборником документов «ВКП (б), Коминтерн и Япония. 1917 – 1941г.». С российской стороны ответственным редактором, основным руководителем всего дела выступал энергичный и неутомимый Грант Михайлович Адибеков, а с японской – профессор Харуки Вада, о котором тогда мы еще знали немного, но уже были наслышаны о нем, как о талантливом историке и предприимчивом организаторе. Именно эти неординарные люди и положили начало первому опыту российско-японского сотрудничества в области исторической науки. Их участие создавало у всех подготовителей труда уверенность, что сборник будет сделан, и сделан неплохо. Все знали, что работу возглавили серьезные историки, сумевшие в трудное время разобраться в основных проблемах, учитывавшие вновь открывающиеся факты и документы, но в то же время оказавшиеся способными не терять ориентировки под переменчивыми ветрами конъюнктуры.

Меня привлекли в команду подготовителей сборника как специалиста по истории Коминтерна: я действительно занимался этим предметом уже почти 40 лет, имел опыт подготовки ряда документальных сборников, но мои представления о взаимоотношениях Коминтерна и компартии Японии были самыми общими, если не поверхностными. Нужно было внимательно изучать относящиеся к теме документы от самого начала и до конца.

Как и положено в таких случаях, обе стороны, осуществив первичный отбор документов, должны были вместе обсудить предварительные итоги сделанного и наметить, что еще необходимо дополнить, а какие документы ввиду их незначительности отложить. Во время одного из таких обсуждений я и познакомился с прилетевшим в Москву из Токио профессором Харуки Вадой. Он сразу вызывал к себе симпатию своей общительностью, вдумчивым и доброжелательным взглядом. Привлекало к нему и то, что он сразу же конкретно включился в решение главной задачи того этапа: подобрать документы таким образом, чтобы ни одно серьезное значимое событие, ни один существенный поворот в развитии событий, ни одна значительная дискуссия не выпали из поля внимания. В духе этой задачи трудились обе стороны, и наш коллега Х. Вада внес немало предложений, в том числе о включении в сборник или использовании в примечаниях ряда документов из опубликованных в Японии изданий.

Вскоре наступил этап окончательного отбора документов, а затем и подготовки примечаний и написания вводных статей к обоим разделам тома. Тут особое значение имели такие качества подготовителей, как

методологическая основательность, широта кругозора, способность смотреть на проблемы без шор, многосторонне, а также умение прицельно и значит быстро вести поиск недостающих деталей и материалов. Все эти качества проф. Х. Вада ярко продемонстрировал при работе над первым совместным сборником документов и с блеском проявил их при подготовке другого совместного издания – сборника документов «ВКП (б), Коминтерн и Корея. 1918 – 1941», вышедшего в свет лишь недавно, в 2007 г.

Прежде, чем говорить о некоторых подробностях работы нашего японского коллеги в этих сборниках, хочу предварительно высказать два замечания.

Первое. Ни уважаемый профессор Х. Вада, ни Грант Адиебеков, ни я не скрывали того, что наши общеисторические мировоззренческие позиции при всей их большой близости и устремленности к идеям социальной справедливости все же по ряду вопросов различный, их нелегко притереть друг к другу. Но мы понимали, что и эти трудности преодолимы. Меня подкупало то, что проф. Х. Вада, ставший специалистом по российской истории, увидел в нашей стране «мир миров» и писал, что своими историческими работами хочет помочь очеловечиванию отношений Японии с Россией, а также Кореей. Можно было не соглашаться с некоторыми конкретными оценками им отдельных моментов внутренней политики СССР в 30-е годы, но нельзя было не учитывать того, что он весьма позитивно характеризовал роль Советского Союза в международной антифашистской борьбе. Поэтому мы надеялись, что будем успешно преодолевать разногласия, опираясь на то, что нас объединяло.

Второе замечание относится к вопросу о естественно сложившемся разделении труда в коллективе подготовителей. Российская сторона, конечно же, лучше знала фактическую сторону российских и коминтерновских дел. На российскую сторону вследствие этого ложилась и большая ответственность за отражение и комментирование этих дел в совместном сборнике. В то же время японская сторона, проф. Вада и его коллеги были превосходными знатоками того, как в Японии и Корее реально разворачивались общественно-политические события, о которых говорилось в документах, и насколько обоснованными или неполными были характеристики, содержащиеся в этих документах. Разумеется, что и наиболее полные сведения о людях, действовавших в рядах рабочего движения Японии и Кореи, отложились не в российских, а японских архивах, и эти сведения по сути находятся под руками японских, а не российских подготовителей. За проработку названных тем главную ответственность несла, естественно, японская сторона. Можно сказать, что действовал принцип: наиболее веское слово принадлежит тому, кто лучше знает данную вещь. Такое разделение функций требовало повышенного чувства ответственности и также укрепления доверия сторон друг к другу.

Из этих замечаний видно, что для успешного сотрудничества историков двух или нескольких стран нужны серьезные предпосылки и взаимная готовность к диалогу, а также искреннее доверие друг к другу. Я вижу большую заслугу Г. Адиебекова и Х. Вады в том, что они создали такие предпосылки.

Немало было трудностей и сложностей в совместной работе. Нередко речь шла не только о выработке общей точки зрения на какой-либо конкретный вопрос, но и о различных традициях издания исторических работ, в том числе документов. Нужно было находить возможность сочетать эти традиции, не обедняя, не обстругивая их.

Оглядывая итоги нашей совместной работы, мы обязаны воздать должное прежде всего нашему японскому коллеге Х. Ваде. В любом виде работы его активность была завидной, кипучей. Приведу несколько примеров, хотя рассказ об этом уводит нас к подробностям, интересным лишь для узкого круга исследователей. В сборник были включены некоторые документы, относящиеся к дискуссиям в Исполкоме Коминтерна (ИККИ) и КПЯ о самороспуске КПЯ в 1924 г. и задачах воссоздания компартии. Казалось, что представлены различные точки зрения, и читатель поймет суть вопроса. Но и Х. Вада и российская сторона высказались за то, чтобы продолжить поиск документов по данной теме. Х. Вада и российский японист Ю.В. Георгиев стали готовить справочные материалы об этих дискуссиях на основе японских публикаций и архивных данных. Картина оказывалась более сложной и противоречивой. Мне в ходе поисков в архивах Коминтерна удалось найти неизвестное исследователям дотолее выступление председателя ИККИ Г.Е. Зиновьева на заседании Президиума ИККИ 8 сентября 1925 г. как раз по этому вопросу. Из этого документа видно, что и в ИККИ не было единого мнения по вопросу о том, какую же партию пред-

полагалось создавать в Японии, и первоначально Коминтерн советовал японским коммунистам бороться за создание Рабочей партии по типу легальной Рабочей партии в США, а не за немедленное создание нелегальной КПЯ. Так, с двух сторон был пролит дополнительный свет на эту проблему. И таких примеров можно привести много.

При подготовке сборника «ВКП (б), Коминтерн и Корея. 1918-1941» проф. Х. Вада дополнял состав этого труда трижды, предлагая новые интересные материалы, обогащавшие наши представления по ряду конкретных вопросов. Последнее дополнение он внес уже в то время, когда сборник находился в издательстве, но еще была возможность внести в него изменения. Не побоюсь сказать, что проф. Х. Вада показал нам пример, как следует стремиться к наибольшей полноте и ясности содержания документального издания, как надо уважать оригинал документа и быть придирчивым к копиям. Еще один факт. Мы считали, что в нашем сборнике обязательно должна быть декларация «Общества возрождения отечества корейцев» (июнь 1936 г.), одним из основателей которого был Ким Ир Сен. Но поиск оригинала этого документа не дал результата. В коминтерновском архиве не было ни оригинала, ни заверенной копии. Доступными оказались лишь копии, сохранившиеся в японских полицейских архивах и публикации в некоторых современных изданиях. Но в этих копиях много разночтений, о чем Х. Вада писал в нескольких своих статьях, опубликованных в Японии. Мы не стали публиковать копию, но подчеркнули большую важность этого документа в предисловии к сборнику и изложили основные пункты декларации в примечании к документу № 246.

Большую кропотливую работу провели мы в смысле оценки событий и конкретных фактов общественно-политической борьбы того времени. Эти оценки составили основное содержание примечаний и предисловия. И здесь проф. Х. Вада также играл весьма активную роль. Он последовательно выступал за то,

чтобы у нас не было неоправданно заостренных формулировок, чтобы мы находили более взвешенные определения, действительно подтверждаемые фактами. Например, в первоначальном варианте предисловия «ИККИ и КПЯ: история взаимоотношений» мы, касаясь выработки коммунистами Японии программных положений партии, лишь в общем плане сказали о требовании ликвидации монархии. При обсуждении этой части предисловия проф. Х. Вада и Ю.В. Георгиев отметили, что вопрос о выдвижении этого лозунга в КПЯ сопровождался большой полемикой потому, что в широких массах Японии были сильны промонархистские настроения и их нельзя было не учитывать в политической практике. Часть деятелей КПЯ предлагала воздержаться от выдвижения лозунга ликвидации монархии или, по крайней мере, от его немедленного включения в платформу действий. Ясно, что в предисловии сборника и в примечаниях все это нужно было учесть.

Примерно такая же ситуация возникла у нас при характеристике основных черт и последствий экономического кризиса 1929-1933 гг. в Японии. И здесь, как и в ряде других случаев, основательные замечания проф. Х. Вады помогли многое уточнить. Точно так же и в томе, посвященном Корее, многие наши оценки были дополнены, улучшены или просто исправлены по инициативе нашего японского коллеги. Это касалось прежде всего истории и деятельности корейских национально-освободительных организаций. Сведения о многих из них в нашей российской исторической литературе были чересчур общими, а нередко и не совсем точными. Участие японских и корейских ис-

ториков в подготовке тома о Корее было, не побоюсь это сказать, главной гарантией того, что корейская конкретика событий найдет в томе верное отражение. Например, российская сторона, выступавшая автором первого проекта предисловия, изображала под воздействием имевшейся литературы события 10 июня 1926 г. (демонстрация во время похорон бывшего корейского императора) несколько односторонне. Проф. Х. Вада и его японские и корейские коллеги указали на это, приведя подробные данные о негативных моментах, связанных с этой демонстрацией.

Поучительной и интересной была вся совместная работа над предисловием к корейскому сборнику. Известно, что в российских изданиях документов вводная статья традиционно ограничивается главным образом анализом общих проблем и характеристикой важнейших моментов содержания заявленной темы. Конкретные события в таких статьях обычно излагались скупно. В нашем же томе, как мы считали, в предисловии необходимо было дать сравнительно связанную картину развития событий с привлечением основных фактов и конкретных деталей. Уже предварительный вариант предисловия был большим шагом в этом направлении. Проф. Х. Вада своими обильными дополнениями и вставками подталкивал нас идти еще дальше. Он предложил «населить» предисловие значительно большим числом действующих лиц, заменил некоторые анонимные сюжеты поступками конкретных деятелей, внес отдельные подробности, даже не упоминаемые в документальной части сборника. Предисловие стало выполнять и роль настоящей научной статьи, последовательно анализирующей

развитие темы. Мне лично казалось сперва, что такие изменения сильно утяжеляют предисловие. Но в ходе обсуждений и детальной работы я убедился, что может получиться неплохой синтез предисловия и аналитической научной статьи. В этом духе и велся завершающий этап работы над предисловием.

И японский и корейский сборники документов снабжены богатыми биографическими указателями. Беру на себя смелость утверждать, что таких указателей, содержащих такое обилие персон и такие подробные сведения о них, у нас еще не было. И здесь основная часть подготовительной работы была проделана проф. Х. Вадой и его коллегами.

Глядя на сделанное, можно без преувеличения сказать, что наше сотрудничество оказалось успешным и более того, оно показало возможности взаимообогащения обеих сторон, участвующих в совместных проектах, возможность сложения плюсов и уменьшения минусов. И это произошло прежде всего потому, что обе стороны были серьезно настроены на тесное сотрудничество и строго придерживались главных принципов в своей работе: историзма, максимальной объективности, уважения к факту. Это очень ярко проявлялось во всем, что делал наш многоуважаемый Вада. Поистине, у него многому можно поучиться.

Жанна АДИБЕКОВА

Он умеет быть настоящим другом

С профессором Харуки Вада я познакомилась в 1996 г., когда начиналась работа над сборником документов «ВКП(б), Коминтерн и Япония». С российской стороны руководителем проекта был доктор исторических наук Грант Адиебеков, с японской – профессор Харуки Вада. О профессоре Вада мы были наслышаны ранее, но работать с ним нам не доводилось. И когда Г. Адиебеков и профессор Кирилл Кириллович Шириня, известный исследователь истории Коминтерна, предложили мне совместную работу над этим сборником, я посчитала за честь для себя быть членом такой команды. И, несмотря на то, что за 36 лет работы в архиве я встречалась и работала с очень интересными, умными и известными людьми, я понимала, что эта работа и этот коллектив ко многому меня обязывали.

Когда пришло время и мы непосредственно приступили к совместной работе, нам посчастливилось убедиться в том, что человек с мировым именем, пользующийся большим уважением среди историков, в обычной жизни удивительно скромный, доброжелательный, с потрясающим чувством юмора, умеющий пошутить сам и оценить шутку другого.

Х. Вада в гостях у Ж.Г. Адibeковой и ее невестки Ольги
август 2004 г.

Может быть, именно поэтому, помимо чисто профессиональных отношений, произошло личное человеческое сближение Харуки Вады и Гранта Адibeкова, человека тоже очень контактного, легкого в общении, с чувством юмора.

Я помню, как беспокоен был Грант перед тем, как встретиться с Вадой для обсуждения важных концептуальных вопросов сборника: ведь не секрет, что многие исторические события у нас и в Японии трактуются по-разному.

После встречи Грант рассказывал, как нелегко, но очень плодотворно прошло обсуждение, как на-

стойчиво и убедительно профессор Вада доказывал принципиальные для японской стороны оценки и трактовки, и как умел понять и согласиться с тем, что было важно для российской стороны. В таком творческом взаимопонимании и взаимопомощи проходила вся работа над сборником. Возможно, что этот творческий тандем стал тем ключевым моментом, который привел их в дальнейшем к более дружеским отношениям. И почти в каждый свой приезд в Москву Харуки Вада находил время в своем плотном графике, чтобы побывать в гостях у нас.

Во время этих встреч, из бесед с ним мы лишний раз убедились, как широк диапазон знаний и интересов этого удивительного человека. Он рассказывал о своей работе над книгой о русском государственном деятеле XIX века, одном из руководителей военных действий на Кавказе в 1877-1878 гг., министре иностранных дел России в 1880-1881 гг. М.Т. Лорис-Меликове, о работе в библиотеках Москвы и Санкт-Петербурга, где собрал обширный материал, позволивший издать в Японии книгу об этой исторической личности. Интересно было слушать рассказ Вады о его работе над монографией о русско-японской войне. И то, что эта работа велась параллельно с работой над сборниками о Коминтерне, само по себе говорит об исключительной работоспособности этого человека.

Когда случилось несчастье, и в начале работы над вторым сборником о Коминтерне «ВКП(б), Коминтерн и Корея» ушел из жизни Грант Адиев, профессор Харуки Вада через Фонд японских историков

Х. Вада и Г.М. Адиеков
конец 1990-х

обеспечил финансирование издания задуманной Адиековым книги, и вместе с профессором К.К. Шириной довели до конца работу и выпустили в свет книгу, которую они начинали втроем.

О человеке судят по его делам. О том, как бережно отнесся Харуки Вада к памяти своего товарища, говорит тот факт, что каждый свой приезд в Москву он посещает могилу своего коллеги. Такие поступки не могут не вызывать уважение и благодарность у семьи Гранта Адиекова.

Сейчас, когда мы отмечаем юбилей нашего друга Харуки Вады (надеюсь, что он разрешает нам на-

зывать его другом), я желаю ему доброго здоровья, счастья и благополучия в семье, больших творческих успехов, встреч с хорошими и интересными людьми.

Англичане говорят: «Сорок лет – это возраст, с которого начинается мужчина». Так что, следуя этой пословице, желаем этому замечательному человеку хорошего и долгого будущего.

Всяческих успехов Вам, дорогой друг!

Лев ДЕЛЮСИН

«Не оставляйте стараний,
маэстро...»

Нас быстро сблизило обнаружившееся во время встреч в Москве и Токио общее понимание тех проблем, которые мы обсуждали и которые волновали профессора Ваду в отношении России. У меня сложилось впечатление, что Харуки Вада, будучи историк по профессии и глубоким знатоком революционного движения, тем не менее, всегда стремился понять, что происходит сегодня в нашей стране. Он с верой и надеждой воспринял политику перестройки, начатую М.С. Горбачевым в середине 1980-х годов. Помню, он не раз повторял слова Булата Окуджавы «Я вновь повстречался с надеждой». Харуки Вада считал, что отныне наша страна пойдет по пути дальнейшей десталинизации и демократизации.

Насколько я мог понять из разговоров, Вада знал и стремился еще больше узнать произведения современных поэтов и писателей. Его любознательность не знала границ. Были случаи, когда в России он попадал в опасные для здоровья переделки, но никогда не падал духом, оставался жизнерадостным и оптимистичным.

В юбилейный для него год хочу обратиться к Харуке Ваде с пожеланием, высказанным нашим любимым поэтом Булатом Окуджавой в одном из стихотворений: «Не оставляйте стараний, маэстро. Не убирайте ладони со лба».

Елена ЗУБКОВА

Человек, который умеет удивлять

Москва, начало 1990-х. Я стою в вестибюле архива и о чем-то разговариваю с коллегой-приятелем. В те годы вестибюль московского архива РГАСПИ для историков значил примерно то же, что для влюбленных и деловых людей памятник Пушкину. То есть он был местом встреч и знакомств. Вся советология, точнее историография, в лице ее живых носителей и творцов дефилировала именно здесь. Итак, я стою, попутно наблюдая за происходящим вокруг. И тут я увидела его. Незнакомец не вошел, а как будто вбежал в зал и замер, оглядываясь, кого-то отыскивая глазами. Его нельзя было не заметить: длинный светлый плащ с характерной помятостью (признак стильной небрежности) и темные вьющиеся волосы до самых плеч. В самом облике незнакомца было что-то нетипично-притягательное, что мешало мне тут же и безоговорочно отнести его к завсегдатаям архивного вестибюля – корифеям мировой историографии.

«Кто это?», – спросила я приятеля. «Японский профессор Харуки Вада», – ответил тот. «А разве профессора такие бывают?», – самое умное, что пришло мне в голову в тот момент. «Всеякие бывают» – поче-

му-то недовольно буркнул в ответ мой коллега, а потом добавил: «И вообще учти – он из «левых», а они, знаешь, все очень нетипичные».

Вот тут мой приятель попал в точку. Он и впрямь очень «нетипичный» человек, Харуки Вада. Фигура номер один среди японских исследователей истории России XX века, признанный во всем мире знаток России, уважаемый многочисленными учениками сенсей, Учитель... И в то же времени удивительно молодой по складу характера, открытый всему новому, внимательный собеседник и душа компании. О таких говорят, что они ломают стереотипы. Штамп, конечно, но о Ваде лучше не скажешь. Харуки Вада сломал мои представления не только о профессорах вообще, но и об японцах и Японии. Более того – этот человек открыл для

меня Японию. За что ему огромное спасибо. Впрочем, эта тема заслуживает отдельного разговора.

Мы познакомились (кстати, в том самом архивном вестибюле – где же еще), а потом и подружились. Однако по-настоящему нас сблизил Михаил Гефтер, точнее отношение к Гефтеру. Харуки Вада был знаком с Михаилом Яковлевичем, не раз встречался с ним, переписывался. Мне так и не удалось познакомиться с Гефтером лично, но именно этот человек во многом определил для меня вектор движения как историка. Вада был первым, кто почувствовал и признал это. Так мы стали «единопредметниками» – именно так определял это трудно уловимое состояние профессионального и интеллектуального родства Гефтер. Когда в 1995 году я приехала в Японию, Вада организовал вечер памяти Михаила Яковлевича Гефтера. Мы сидели за одним столом и вспоминали человека, который для нас и для многих других людей был и остался тем, что по-русски и по-японски имеет один смысл, – Учителем.

1995-й. Как-то вечером у меня дома раздался телефонный звонок. Звонил Харуки Вада из Токио. «Вы не хотели бы приехать в Японию?» – осведомился он так, будто речь шла о встрече где-нибудь в двух шагах от ближайшей станции метро. А Вада между тем продолжал: в Японии существует Общество японских исследователей истории России, которое раз в год проводит тематическую конференцию. На эту конференцию в качестве гостя приглашается один историк из России, известный специалист, «сенсей», одним словом. Право выбора гостя по очереди принадлежало одному из сопредседателей Общества. В тот год выбирал Вада – и он пригласил меня. Надо думать,

этот выбор удивил многих, хотя Вада ни словом не обмолвился об этом – ни тогда, ни после. Но тем не менее опять «наломал» немало стереотипов.

На «сенсея» я не тянула категорически – и по молодости лет, и по количеству книг (строго говоря, у меня тогда была «за душой» всего-то одна книжка). Кроме того, я была женщиной. Это и в России не очень приветствовалось, а в Японии, надо думать, тем более. В данном случае я имею в виду не фасадные лозунги, а реальные отношения внутри нашего профессионального цеха. Чем руководствовался Вада, лучше спросить у него. Кажется, ему понравилась моя книжка. Тогда ее тематика и сюжет звучали незатасканно свежо: послевоенные годы, а тем более социальная история этого периода еще не стали, как сейчас, местом массового паломничества историков. Кстати, интерес к этому периоду истории России японских историков, особенно молодых, стал для меня настоящим открытием. Я почувствовала себя среди своих – настолько неформальным и в то же время профессиональным был наш диалог. И в центре этого действия стоял Харуки Вада, превративший мои семь дней в Японии в настоящий подарок. Во всех смыслах этого слова.

Конечно, «настоящая» Япония отличалась от моих прежних представлений об этой стране и ее традициях. Но и традиция для Японии – тоже не пустой звук. Например, к гостям, даже к коллегам там отношение иное, чем в Европе. Это в Мюнхене или Берлине я могла гулять, предоставленная сама себя. В Токио все мои прогулки и вообще любые передвижения по городу проходили в сопровождении почетного эскорта – с утра и до самого вечера. Моим неизменным спутни-

ком был Василий Молодяков, один из учеников Вады, сейчас известный историк, выпустивший не одну книгу о Японии, а тогда просто Вася, незаменимый и неповторимый Вася, выполнявший сразу несколько функций: гида, переводчика, консультанта и просто приятного собеседника. Вместе с Васей в паре обязательно был кто-нибудь из наших японских коллег. И так каждый день: утром на пороге отеля меня принимали, а вечером сдавали обратно. Поначалу я испытывала неловкость от обилия внимания к собственной персоне, но все мои угрызения совести Вася разрешил одним махом, точнее одной фразой: «Так велел Вада». И я сдалась.

В общении не все всегда просто. По крайней мере, не везде. Например, обращаться к собеседнику в Японии – целая наука, точнее церемония. В общем, чтобы мне включиться в коммуникацию, меня нужно было как-то называть. То, что в других странах решалось простой приставкой “Mrs” или “Frau” в Японии не работало, а мой статус приглашенного эксперта и исключительно уважительное отношение к гостям, свойственное японской традиции вообще, требовало найти какие-то слова. Уважительно-русское «Елена Юрьевна» для японского языка – словосочетание мучительно непреодолимое. Выход нашел Харуки Вада. С его легкой руки меня стали звать «Лена-сан».

Город Шуя. Совсем не Япония, а где-то даже наоборот. Ассоциация исследователей российского общества (АИРО) и германский фонд Фридриха Науманна проводят конференцию о мифах и мифологии. Харуки Вада – в числе ее гостей и активных участников. Кон-

ференция длится практически с утра до самой ночи, в перерывах мы преодолеваем короткий путь до местного ресторана, чтобы подкрепиться и потом снова засесть за работу. Мы шествуем организованной толпой, не отклоняясь от намеченного маршрута, изредка вступая в контакт с местным населением. И только Вада то и дело пропадает в соседних улочках, его фигура мелькает то здесь, то там и, кажется, к концу конференции он знает город не хуже местных жителей и уж, во всяком случае, лучше всех нас, вместе взятых. На одном из последних заседаний, уже под вечер, Вада подходит к Александру Куприянову, историку, который пишет о культуре городов русской провинции, и говорит: «Я был в местном краеведческом музее. Это должно быть очень интересно для Вас». «Да, я очень хотел бы там побывать, но, когда мы заканчиваем, музей уже закрыт». «Ничего, – отвечает Вада. – Сегодня для Вас его откроют. Я договорился». Он подвел Александра к женщине, которая работала в музее экскурсоводом. Вместе они отправились в музей, и, хотя он был уже на замке, музей открыли, и специально для Александра была устроена экскурсия. Потому что Вада попросил. В этом эпизоде – весь он, Харуки Вада. Человек, который умеет удивлять.

Я еще хотела написать о том, какой Харуки Вада замечательный историк, о его книгах, научных проектах. А потом подумала: зачем? Его книги сейчас переведены на русский язык. Кто знаком с работами Вады, не нуждается в моих рекомендациях. А нового, особенно молодого, читателя я не хочу лишать удовольствия открытия. Имя ему – Харуки Вада.

Алан КАСАЕВ

О Шуе, мифах и песне

Уже 15 лет я связан с АИРО и всегда поражаюсь тому кругу зарубежных учёных, который составляет костяк Международного Совета Ассоциации. Однако в степени отзывчивости на её интересные инициативы, в поддержке самого этого сообщества российских историков одно из первых мест принадлежит Харуке Ваде. Я близко наблюдал его и общался с ним в течение трёх дней в городе Шуе. До сих пор мне непонятно, по каким причинам Фальк Бомсдорф и Геннадий Бордюгов избрали осенью 1999 года этот тогда депрессивный город для международной конференции «Мифы и мифология современной России». То ли потому, что находились под впечатлением фильма Дениса Евстигнеева «Мама», в котором героиня в исполнении Нонны Мордюковой везёт своих пятерых сыновей заново строить жизнь и искать счастья в Шую, то ли для того, чтобы развернуть дискуссию столичных учёных в контексте тяжелой и рутинной жизни простых обывателей. Позднее я в принципе понял замысел организаторов: чем чаще для научных акций будут избираться такие города, как Шуя, тем скорее исчезнет центрально-периферийная пространственная организация

культурной жизни, когда столица задаёт тон, являясь инициатором всех перемен, а провинция подхватывает инициативы и пытается их копировать.

Профессора Ваду, в отличие от некоторых моих коллег, ничуть не пугали спартанские условия нашего пребывания – ни общежитие с холодной водой, ни скромная еда, ни темнота, в которую город погружался по вечерам. Он внимательно присматривался к людям, преподавателям местного педагогического университета, которых пригласили на конференцию, и куда-то время от времени пропадал. Как оказалось, знакомился с экспозициями двух местных музеев и состоянием книжных магазинов. Но при этом он успевал активно участвовать в научных дискуссиях.

Помню и сейчас одну мысль, высказанную им. Мифы могут жить и умирать, но степень их значимости меняется и зависит от конкретного времени, особенно в ситуациях кризиса, когда появляется духовный вакуум, который не успевают заполнить новым смыслом интеллектуалы, но мифы могут дать подпорку, помочь обрести ориентацию и преодолеть растерянность. То есть в своей непростой и понятной работе по демифологизации мы не должны быть высокомерными по отношению к тем, кто ищет ответы в мифах, религии. Связанная с ними «первая культура» в традиционных обществах равноценна рационально-научной культуре. Это было крайне важное замечание для обсуждения проблемы.

Х. Вада среди участников конференции
1999 г.

Было еще одно удивление. На заключительном ужине, когда доклады и дискуссии были позади и все приготовились снимать усталость народным способом, оказалось, что можно это делать и по-другому. Вдруг все стали вспоминать песни уходящей эпохи, но слова одной из них — «Гимна демократической молодёжи мира» — практически никто из нас не помнил. И тогда встал скромный профессор Вада и громко, по-русски запел: «Дети разных народов / мы одною мечтою живём. / В эти грозные годы / мы за счастье бороться идём...». После этого эпизода не было ни одной участницы конференции, не пригласившей его на танец. Это было настоящее признание.

Прошло почти десять лет, но, пожалуй, не было в моей жизни более запоминающегося научного форума. И когда я беру в руки АИРОВский сборник докладов о мифах, я думаю о Харуке Ваде.

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

МИФЫ И МИФОЛОГИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

ПРОГРАММА

г. Шуя,
10–13 сентября 1999 года

Фонд Фридриха Наумани
Ассоциация исследователей
русского общества XX века (АИРО-XX)
Музейно-культурный центр г. Шуя
Институт русской и советской культур
им. Ю. М. Лотына
Вурского университета в Вазе
Шуйский государственный педагогический университет

Руководители и организаторы проекта:

Карл Аймермахер
Фалкс Болсдорф
Геннадий Бардогов

В разработке концепции конференции принимали участие:

Людмила Гатагова
Дмитрий Сладкихов
Татьяна Филиппова

Автор выставки «Дизайн мифа»:

Вячеслав Колычек

Организационная группа:

Любовь Королева
Анатолий Ложкин
Александр Ушаков
Сергей Якушкин

Игорь ЛУКОЯНОВ

Представитель «золотого слоя» зарубежных славистов

Мое знакомство с профессором Вадой относится к 2003 году, когда состоялся Семинар в Саппоро, проводимый Славянским исследовательским центром университета Хоккайдо. Его тема звучала так: «Russia, East Asia, and Japan at the Dawn of 20th Century: The Russo-Japanese War Reexamined». Х. Вада выступал там комментатором. Затем были встречи и в Японии, и в России.

Наши интересы пересеклись на дальневосточной тематике – политике России на рубеже XIX-XX вв. и происхождении русско-японской войны 1904-1905 гг. Х. Вада тогда готовил текст, посвященный русским военным атташе в Японии, который, по большей части был посвящен полковнику, а затем генералу К.И. Вогаку. Вообще военные атташе не играли заметной роли в политике России, они, как правило, просто информировали Петербург о состоянии вооруженных сил в Японии. У них не имелось надежных источников конфиденциальной информации, они сообщали в основном открытые сведения, прибавляя к ним некоторых личные наблюдения. Не удивительно, что такая информация не принималась в расчет при

Слева направо: А.В. Ремнев, Х. Вада, Д. Схиммелпеннинек, И.В. Лукоянов
2003 г.

принятии решений. Но К.И. Вогак оказался исключением. Он был энергичен, хорошо образован, провел на Дальнем Востоке (Китай, Япония) более 10 лет, имел собственные представления о том, какой должна быть политика России и не скрывал этого. К.И. Вогак первым очень высоко оценил боеспособность японской армии в ходе японо-китайской войны 1894-1895 гг. Более того, позднее он сыграл действительно важную роль в событиях, предшествовавших русско-японской войне.

С докладом об этом Х. Вада выступил в конце мая 2005 г. на большой международной конференции «World War Zero» в Токио. Сам по себе выбор фигуры К.И. Вогака, малоизвестного даже среди российских специалистов, уже вызывает интерес к исследованию. Кроме того, Вада затронул вопрос, которого не касались его предшественники – о роли К.И. Вогака

в происхождении русско-японской войны. Он впервые подчеркнул значение личной аудиенции К.И. Вогака у Николая II 25 апреля 1903 г.: вскоре после этой встречи царь окончательно принял сторону безобразовцев, что непосредственным образом повлияло на позицию российской стороны в ходе русско-японских переговоров и, следовательно, на начало русско-японской войны. Конечно, значение беседы монарха с военным атташе не надо преувеличивать (то есть, не она одна определила дальнейшую политику России на Дальнем Востоке), но что именно оценки К.И. Вогака оказали сильное воздействие на взгляды самодержца и его действия – несомненно. В докладе Х. Вада также произвели впечатление его тонкие наблюдения и понимание российской политики, эрудиция и знание источников, в том числе и архивных, дотошность автора.

Для меня было также интересно увидеть известного японского слависта у него на родине. Х. Вада – настоящий сенсей, это видно по тому уважению, с каким к нему относится молодое поколение японских историков. Вообще в Японии чужестранцу непросто понять истинное отношение, но мне кажется, что я не ошибаюсь. Это уважение неформальное, отражает его реальный авторитет и заслуги. Несмотря на то, что в Японии четко проступает разница, даже разрыв между поколениями исследователей, Х. Вада органично вписывается в среду своих учеников и более молодых коллег. Он современен – это очень важно для того, чтобы по-прежнему быть востребованным.

Для меня оказалось неожиданным, насколько Х. Вада хорошо знаком с российскими реалиями. У него оказался удивительный спектр знакомств в нашей стране.

Интересны его рассказы о советских историках, многих из которых он знал лично. Воспоминания о дружеских отношениях с Э.Н. Бурджаловым – неординарным, недооцененным специалистом, К.Н. Тарновским, М.Я. Гефтером – это важно и для нас. Вообще широта его интересов тоже впечатляет. Это Г.Е. Распутин, корейцы в России, общие проблемы русской революции, Н. Руссель-Судзиловский, Л.А. Тихомиров, наконец, недавнее исследование про эпоху 1881 г. (Wada Haruki Terror and reform. The assassination of Alexander II: the Eve and Aftermath. Tokyo, 2005 (на японском языке)). В этом далеко не полном перечне я бы особо выделил оценку профессором японского общественного мнения о России, которая прозвучала еще в начале 1980-х гг. Она совершенно свободна от политической конъюнктуры, объективна – и это во время, когда отношения между нашими странами переживали не лучший период.

Всегда интересно общаться с зарубежными славистами, знакомиться с их работами – они привносят в историографию России понимание, базирующееся на других национальных и культурных традициях. Для нас более привычны коллеги из Америки, несколько в меньшей степени – из Европы. В России мало знают японских славистов, лишь в последние годы положение стало меняться, и не в последнюю очередь – благодаря усилиям Х. Вады. Он принадлежит к «золотому» слою зарубежной славистики – тех людей, которые не только овладели русским языком, но и глубоко вникли в историю изучаемой ими страны. Их работы ни в чем не уступают лучшим работам российских авторов. Надеюсь, что новые исследования Х. Вады появятся также и на русском языке.

Эльгена МОЛОДЯКОВА

Откликающийся на все

Имя профессора Вады я услышала задолго до встречи с ним, это имя еще во времена Советского Союза было широко у нас известно. Наши и японские историки, востоковеды регулярно встречались на двухсторонних и международных семинарах и конференциях. И они были весьма продуктивными, даже несмотря на острые моменты дискуссии.

Когда я задумываюсь над тем, почему Вада Харуки известен практически каждому российскому японоведу, то для меня очевидно, что прежде всего широтой охвата проблем и глубиной их рассмотрения. Он прекрасно знает XIX и XX века, но крайне отзывчив к современности. Его имя постоянно на слуху и потому, что Вада никогда не замыкается в кабинетном пространстве, он человек публичный.

Принципиально еще одно определение по отношению к нашему японскому коллеге и другу. Вада является просветителем. В этом отношении он близок нашим шестидесятникам. Не случайно одно из его любимых выражений нан демо хантай (дословно – я всегда против чего-нибудь) означает – откликающийся на все.

Я встретила с профессором Вадой при весьма интересных обстоятельствах. В начале 1990-х годов мой сын Василий учился в аспирантуре, и ему понадобилась стажировка в Японии, для чего непременно нужна была рекомендация японского ученого. За этим я и обратилась к Ваде. Он внимательно выслушал меня в своем кабинете, заваленном множеством книг, и сразу же дал положительный ответ. Затем он стал научным руководителем Василия, довел его до докторской диссертации, которая была написана и защищалась на японском языке.

Круг учеников и соратников Вады очень внушительен. Все они составляют сегодня костяк руссиеведения в Японии, США и Южной Корее – Екоте Синдзи,

Есида Хироси, Исии Норизэ, Кано Тадаси, Мацудо Киехиро, Мацузато Кимитака, Мацуи Нориака, Накай Казуо, Накамура Хироси, Накасима Такэси, Сасаки Терухиро, Сато Масанори, Судзуки Есикадзу, Такахаши Кадзухико, Томита Такэси, Фудзимото Вакио, Хасегава Цуеси, Цутия Есифуру, Ю Хе Джон и др.

И этот состав постоянно расширяется, потому что Вада считает своей миссией подружить, наладить сотрудничество всех востоковедов, но прежде всего Японии и России. И если это получается, если это воплощается в конкретных проектах и изданиях, то лучшей награды для себя он и не видит. С этой созданной им на протяжении нескольких десятилетий великой наградой мне и хочется поздравить его.

Борис СОКОЛОВ

Создатель мира России для Японии

Профессор Вада Харуки – признанный основоположник исследования истории России XX века в Японии. Он также стал инициатором замены весьма популярной в японской историографии марксистской концепции современной эпохи как «эпохи империализма» на концепцию «эпохи мировых войн». Вада, начавший свои занятия по русской истории с изучения народничества, главное внимание уделяет русским революциям. Историк, начинавший свои исследования тогда, когда в Японии была устранена всякая цензура, что уравнило в правах все научные школы и направления и исключило господство каких-либо идеологических схем. Еще в своих первых работах о народниках Вада четко разграничил понятия «крестьянская демократия» и «социализм как утопия». Он рассматривал социализм как утопическое учение религиозного свойства, побуждающее людей к действию. Его исследование народничества вылилась в 1973 году в капитальную двухтомную монографию «Николай-Руссель. Народник, перешедший много границ», Это исследование представляет собой не только академическую биографию видного белорусского народника, но и обобщающее, синтетическое

исследование народнического движения. Здесь также затрагивается зарождение и деятельность партии эсеров и дана широкая панорама жизни многонациональной Северо-Восточной Азии на рубеже XIX-XX веков. Как подчеркивал Вада, «народничество было исконной идеологией русской революции».

В дальнейшем ученый предпринял структурный анализ российского дореволюционного общества с точки зрения поиска предпосылок революции. Вада также большое внимание уделил изучению влияния идей Ленина на практику русской революции. Позднее ученый занялся экономической политикой и реформами С.Ю. Витте. Достижением Вады стало исследование структуры правовой системы Российской империи, на основе которого были сделаны выводы об общих принципах функционирования бюрократии.

Вада стремится объяснить революцию 1917 года, исходя из структурных противоречий российского по-

реформенного общества и развивающегося российского капитализма, опровергая распространенные как в Японии, так и на Западе представления об отсталости и «дикости» России как главной причине революции. На самом деле Россия относилась к странам со средним уровнем развития капитализма, как раз наиболее уязвимых для революций. Эволюция капитализма в России рассматривается Вадой в контексте развития капитализма во всем мире.

В русской революции Вада выделил три революции: «революцию рабочих и солдат», «революцию крестьян» и «революцию национальностей». Он рассматривал Февральскую революцию как демократическое движение, в ходе которого был создан единый фронт революционных партий против самодержавия.

Еще Вада написал замечательную книгу «Мир крестьянской революции. Есенин и Махно». В ней рассказывается не только о крестьянском поэте Сергее Есенине и крестьянском вожде Несторе Махно, но анализируются извечные крестьянские мечты о царе-освободителе. Эти мечты сопоставлялись Вадой с ситуацией в Японии, где вплоть до Второй мировой войны крестьянские массы иступленно верили в императора.

Вада одним из первых в Японии принял разработанную в СССР теорию многоукладности экономики дореволюционной России. Он противопоставлял ее популярной в США теории модернизации. Однако в дальнейшем, к концу 1970-х годов, под влиянием успехов «новых индустриальных стран» Азии ученый пришел к выводу, что многие положения теории модернизации соответствуют истине.

После посещения СССР в 1978-1979 годах Вада стал гораздо более критически относиться к советскому опыту и стал изучать советскую цивилизацию как систему. Он осознал, что ни Февральская, ни Октябрьская революция на самом деле к социализму, по крайней мере, на уровне лозунгов, отношения не имели. Ленин и его соратники открыто заговорили о социализме только в 1918 году. Как доказывает теперь Вада, «социализм» Ленин понимал как «государственный социализм», напоминающий систему, функционировавшую в Германии в годы Первой мировой войны, и этот «государственный социализм» реально воплотился в советской системе. Основой «государственного социализма» Вада считает единство государства, партии и общественных организаций. Это напоминает то, что в европейской и американской науке часто называют тоталитаризмом. По мнению Вады, «государственный социализм» следует разделить на ряд стадий. Своей зрелости «государственный социализм», как полагает ученый, достиг при Брежневе, но за счет этого утратил динамичность.

После перестройки и краха СССР исследователям стали доступны многие секретные прежде документы, а также архивы Коминтерна. В результате Вада смог сделать вывод о всемирно-историческом значении советской цивилизации, в том числе в непосредственном распространении коммунистического движения в различных странах мира.

Взгляд Вады на историю России отличается оригинальностью и самобытностью и находит все большую поддержку как в японском, так и в российском историческом сообществе. Он создал новый образ России и СССР для Японии, в чем-то противоречивый, но по-своему привлекательный.

Геннадий БОРДЮГОВ

Формула сенсея

В нашей Ассоциации имя ВАДЫ давно произносится с особым пиететом. И дело не столько в бесценной поддержке наших дел, сколько в примере.

Прежде всего, фантастической преданности истории, стремлении получить от неё масштабный ответ на мучительные вопросы, как надо поступать.

Он восхищается теми, кто выбрал служение науке своей профессией. Когда сенсей произносит имена Бурджалова, Гефтера, Тарновского и Данилова, сразу вспоминается забытое, но точное слово «благоговение». Но когда вчитываешься в его оценки выдающихся учёных, понимаешь, как это ни странно, что человеческое, человеческая подлинность для него важнее профессионального.

Сенсей не может полностью отрешиться от своей эпохи, но он умеет возвыситься над ней, ибо внутренняя свобода ученого для него всегда значима.

Он социален и знает, как лучше справляться с главнейшими социальными силами, имя которым власть, деньги и хамство. И при этом не утратить романтическую закваску личности, неутолимое стремление к чему-то лучшему.

В кабинете Х. Вады
Токийский университет, 1997 г.

Семинар профессора Х. Вады
1997 г.

Многим ученикам и коллегам посчастливилось почувствовать силу интеллекта, теплоту и открытость сердца, твёрдую руку наставника, который способен сохранять редкостную чуткость. Не высказывая никакой специальной предупредительности, он фиксирует каждую реплику и, казалось бы, не прерывая монолога, учитывает и использует её.

...У меня на подоконнике стоит символическая игрушка, подаренная как-то Вадой. Это деревянный японский монах, без рук, без ног, с беспристрастным выражением лица. Если поставить монаха на верхнюю ступеньку деревянной лесенки-стремянки (неважно, вверх или вниз головой), то он, совершая головокружительные кульбиты обрубком-телом, спустится вниз. При этом он – всегда – приземляется на отсутствующие ноги – символ стойкости, негибкости духа, умения жить и оставаться собой, невзирая на все трудности и невзгоды.

Наверное, не все составляющие формулы ВАДЫ названы. Но ведь всё впереди, потому что, ко всему, сенсей обладает уникальным «чувством пути».

ВАДА Харуки
和田春樹

СЕРИЯ «ПЕРВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ В РОССИИ»

世界史の問題としてのロシア

РОССИЯ

как проблема
всемирной
истории

Избранные труды.

Ред. и сост. Г.А. Бордюгов. Перевод с японского и английского
Фумиаки Мория, И.С. Давидян и В.Э. Молодякова
(М., АИРО-XX, 1999.—400 с.)

форум японских и российских исследователей

НОВЫЙ МИР ИСТОРИИ РОССИИ

АДИБЕКОВ Грант
БОРДЮГОВ Геннадий
БУХАРАЕВ Владимир
ГАТАГОВА Людмила
ДАВИДЯН Ирина
ДАНИЛОВ Виктор
ЁКОТЭ Синдзи
ЁСИДА Хироси
ЗАХАРОВА Лариса
ЗУБКОВА Елена
ИСИИ Норие
КАНО Тадаси
КУПРИЯНОВ Александр
МАЦУДО Киёхиро
МАЦУЗАТО Кимитака
МАЦУИ Нориаки
МОЛОДЯКОВ Василий
НАКАИ Казуо
НАКАМУРА Хироси
НАКАСИМА Такэси
САСАКИ Терухиро
САТО Масанори
СУДЗУКИ Есикадзу
ТАКАХАСИ Кадзухико
ТОМИТА Такэси
УШАКОВ Александр
ФИЛИППОВА Татьяна
ФУДЗИМОТО Вакио
ФУКС Марина
ЦУТИЯ Есифуру
ХАСЕГАВА Цуёси
Ю ХЁ Джон

Сборник статей к 60-летию Х. Вада

Под ред. Г. Бордюгова, Н. Исии и Т. Томита
(М., АИРО-XX, 2001.–592 с.)

М. Федотова (Московская городская дума) и Х. Вада на презентации книги в Овальном зале ВГБИЛ, 2001 г.

Избранные труды Харуки Вада

1957

Росиа какумэй кэнкю но семондай (Вопросы истории Российской революции) , Гакуэн, ноябрь 1957.

1959

Нигацу какумэй то большевики (Февральская революция и большевики: Отошения между элитами и массой вокруг Совета депутатов), Росиаси кэнкюкай кайхо (Бюллетень Японского общества исследователей истории России), июнь и август 1959 г.

1960

«Тоти то дзию» шуги но какумэй рирон (Революционная мысль общества «Земля и Воля»: Теория и пафос революционного народничества 1870-х годов), Рэкисигаку кэнкю (Исторические исследования), № 241, 1960.

Плеханов обозгаки (Заметки о Г.В. Плеханове), Наука номадо, октябрь 1960 г.

1961

С. Ю. Витте: Тэйкокусюги дзэня но царизм но кэй-зайсэйсаку (С. Ю. Витте: Экономическая политика царизма накануне империализма), Рэкисигаку кэнкю, № 253, 1961.

Киндай росиа сякай но козо (Структура Российского общества нового периода: Становление и противоречия), Рэкисигаку кэнкю, особый номер «Всемирная история и Новая Япония», 1961.

1962

Лорис-Меликов но кайкакуан то царизм (Проекты реформы М. Т. Лорис-Меликова и царизм), Сурабу кэнкю, т. 6, 1961.

1963

Росия ниокэру коккадокусэн сихонсюги (Государственно-монополистический капитализм в России: историографический обзор достижений в советской исторической науке)(вместе с Мотосукэ Удака), Сякайкагаку но кихонмондай (Основные проблемы общественной науки). Т. I. Токио, 1963.

1964

Ленин но какумэй сисо (Революционная мысль В. И. Ленина), Рэкисигаку кэнкю, № 288, 1964.

1965

Киндай росиа сякай но хаттэн козо (Структура развития Российского общества нового времени: Россия в 1890-х годах), Сякайкагаку кэнкю (Журнал Института общественных наук Токийского университета). Т. 17. № 2-3, ноябрь-декабрь 1965 г.

1966

Нодосю кокка тайсэй то росиа мэнкаге (Самодержавно-крепостнический строй и хлопчато-бумажная промышленность в России), Тотисэйдо сигаку, т. 8, № 2, 1966.

Гэндайтэки «Киндайка»рон но сисо то ронри (Мысль и логика современной теории «Modernization»), Рэкисигаку кэнкю. № 318, 1966.

1968

Нигацу какумэй (Февральская революция), Россия какумэй но кэнкю

(Исследования Российской революцией) под ред. Б. Эгути, Токио, 1968.

Киндай росиа но хотэки козо (Структура законов России нового времени), Кихонтэки дзинкэн но кэнкю (Исследования основных человеческих прав). Т. 3. Токио, 1968.

1970

Ти но нитиеби (Кровавое воскресенье), (совм. с Акико Вада), Токио, 1970, 213 стр.

1972

Росиа дайитидзи какумэй ниокэру родо мондай (Рабочий вопрос в первой русской революции: Вокруг Коковцовских комиссий),

Сякайкагаку кэнкю. Т. 23. № 4, марта 1972 г.

1973

Николай Руссель: кокке окоэру народник (Николай Руссель: Народник, перешедший много границ государств). Т. I-II, Токио, 1973, с. 57-424.

Сибэриа сэнсози кэнкю но семондай (Проблемы истории Сибирской войны), Росиаси кэнкю, № 20, 1973.

Росиа какумэй ниокэру номин какумэй (Крестьянская революция в Российской революции), Киндай какумэй но кэнкю (Исследования о революциях нового периода), Токио, 1973.

1974

1896 нэн Петербург мэнкоге родося но дзэнэсуто (Всеобщая стачка петербургских рабочих хлопчатобумажной промышленности в 1896 году), Сякайкакаку кэнкю. Т. 25. № 4, февраль 1974 г.

The Russian February Revolution of 1917, Annals of the Institute of Social Science, No. 15, 1974.

Сорэн но тайнити сэйсаку (Политика Советского Союза к Японии в послевоенных годах), Сэнго кайкаку (Послевоенные реформы в Японии). Т. 2. Токио, 1974.

1975

Маркс, Энгельс то какумэй росиа (К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия), Токио, 1975, 472 стр.

1976

Сэнго сорэн но рэкисика то рэкисигаку (Псторики и историческая наука в послевоенном Советском Союзе), Росиаси кэнкю (История России). Т. 25, 1976.

1977

Сталин хихан 1953 – 1956 (Критика культа личности И. В. Сталина 1953 – 1956), Гэндай сякайсюги (Соверменные социализмы), Токио, 1977.

Karl Marx and the Revolutionary Russia, Annals of the Institute of Social Science, No. 18, 1977

Рэкиси наонакано Эсэр то (Партия С.-Р-ов в истории), Сисо, декабрь 1977.

I narodniki e i giapponesi, Rivista storica italiana, Anno LXXXIX, fascicolo 2, 1977.

1978

Номин какумэй но сэкай (Мир крестьянской революции: Есенин и Махно), Токио, 1978, 330 стр.

1979

The Inner World of Russian Peasants, Annals of the Institute of Social Science, No. 20, 1979.

1980

Сорэн ниокэру ханфашизм но ронри (Политическая логика советского антифашизма), Ундо то тэйко

(Движения и сопротивления), Токио, 1980 (Вада Харуки. Россия как проблема всемирной истории, М., 1999, стр. 183 – 246).

Нагарэ ни тэйкосуру рэкисикатати (Историки против течения 1964 – 1966), Росиаси Кэнкю. Т. 32, 1980.

1981

Karl Marx and the Revolutionary Russia, History Workshop, No. 12, Autumn 1981.

Солидарность японских и русских социалистов во время Русско-японской войны, Japanese Slavic and East European Studies, Vol. 2, 1981.

Сякайсюги но како то мирай (Прошлое и будущее социализма), Сисо но кагаку, ноябрь 1981 г.

1982

Сорэн но чосэн сэйсаку (Политика Советского Союза в отношении Кореи: август 1945 г. – март 1946 г., Сякайкагаку кэнкю, т. 33, № 4, 6, 1982.

Кокка но дзидай ниокэру какумэй (Революция в эре Государства: В. И. Ленин и Н. И. Бухарин), Нэп кара Сталин дзидай хе (С Нэпа до сталинского периода), Токио, 1982.

Хасэгава Цуесиси но нигацу какумэй кэнкю ницуитэ (О книге Ц. Хасэгава: The February Revolution: Petrograd 1917), Росиаси кэнкю, т. 36, 1982.

1983

Росиа какумэй никансуру косацу (Размышления о Российской революции), Рэкисигаку кэнкю, № 513, 1983.

Америка но росиа-сорэнси кэнкю (Американская историография об истории России и Советского Союза), Росиа си кэнкю но атарасии нами (Новые волны исследований истории России нового времени), Токио, 1983.

Karl Marx and the Revolutionary Russia, Late Marx and the Russian Road, edited by Teodor Shanin, Routledge and Kegan Paul, London, 1983

Vera Figner in the Early Post-revolutionary Period, Annals of the Institute of Social Science, No. 25, 1983 – 1984.(Вада Харуки. Россия как проблема..., стр. 87-122)

1984

Киндай росиа но дайджинтати (Министры России нового периода: некоторые биографическо-статистические анализы), Сякайкагаку кэнкю, т. 36, № 4, 1984.

1985

Нихондзин но росиакан (Представления о России в Японии: учитель, враг, собрат по страданиям), Росиа то нихон (Россия и Япония), Токио, 1985.

Тэнкансуру сорэн рэкисигаку (Советская историческая наука на повороте 1968 – 1970), Сякайкагаку кэнкю, т. 37, № 5, 1985.

1986

(ред.) Росиаси но атарасии сэкай (Новый мир истории России), Токио, 1986.

Котэй, кого, Распутин (Распутин, царь и царица: Читая роман Валентина Пикуля), Там же. (Вада Харуки. Россия как проблема..., стр. 51 – 71)

Хоппо редомондай никансуру косацу (Размышления о проблеме северных островов), Сэкай, ноябрь 1986 г.

1987

Ватаси но мита Перестройка (Перестройка, как я увидел), Токио, 1987, 244 стр.

Lev Tikhomirov: His Thought in His Later Years 1913-1923, Annals of the Institute of Social Science, No. 28, 1987 (Вада Харуки. Россия как проблема..., стр. 123-164)

Koreans in the Soviet Far East, 1917 – 1937, Koreans in the Soviet Union, Edited by Dae-Sook Suh, Papers of the Center for Korean Studies, Honolulu, 1987 (Вада Харуки. Россия как проблема..., стр. 314 – 348).

1990

Пепестройка – сэйка то кики (Перестройка – достижения и кризисы), Токио, 1990, 246 стр.

Хоппо редомондай о кангаэру (Размышления о проблеме северных островов), Токио. 1990, 459 стр.

Росиа какумэй ниокэру фурансу какумэй но Image (Образ Великой Французской революции в ходе Российской революции 1917 года), Сисо. Март 1990 г. (Вада Харуки. Россия проблема..., стр. 72-86.)

1991

Кайкоку – Нитиро кокко косе (Открытие страны – Японо-русские переговоры 1853 – 1855), Токио, 1991, 219 стр.

Росиа но какумэй (Российская революция 1991 года), Токио, 61 стр.

1992

Ким Ир Сен то мансю конити югэки сэнсо (Ким Ир Сен и анти-японская партизанская война в Маньчжурии). Токио, 1992, 414 стр. Корейский перевод, Сеул, 1992.

Рэкиси тоситэно сякайсюги (Социализм как история). Токио, 1992, 221 стр. Корейский перевод, Сеул, 1994.

Рэкиси но хансэй то кэйзай но ронри (Раскаятие по поводу истории или логика экономика: из истории переговоров по установлению дипломатических отношений с Китаем, Советским Союзом и Кореей), Гэндай нихон сякай (Современное японское общество), Т. 7. Токио, 1992.

1993

Росиа-Сорэн (Краткая история России), Токио, 1993, 209 стр.

(ред.) Перестройка то кайкаку кайхо (Перестройка и Открытие страны для реформ: Сравнительный анализ опытов России и Китая), Токио, 1993.

1994

Российская революция 1917 года как комплекс революций в эпоху мировых войн, Россия в XX веке. Историки мира спорят. М., Наука, 1994.

1995

Чосэн сэнсо (Корейская война), Токио, 1995, 385 стр. Корейский перевод, Сеул, 1999.

Japanese-Russian Relations and the United States, 1855 – 1930, A Hidden Fire: Russian and Japanese Cultural Encounters 1868 – 1926, edited by J. Thomas Rimer, Stanford University Press, 1995.

1996

Рэкиси тоситэно Нозака Санзо (Санзо Нозака как история), Токио, 1996, 308 стр.

Гэфтер – рэкисика, симин (М. Я. Гэфтер – историк и гражданин), Росиаси кэнкю, Т. 58. 1996.

1997

(Ред.) Росиа си (История России), Т. 3, Токио, 1997.

1998

Китачосэн (Северная Корея: Настоящее партизанского государства), Токио, 1998, 317 стр. Корейский перевод, Сеул, 1999

Сорэн System но чосэн то Costs (Вызов и издержки Советской системы) , 20 Сэйки System (Система XX века). Т. 1. Токио. 1998.

Economic Co-operation in Place of Historical Remorse: Japanese Post-War Settlements with China, Russia, and Korea in the Context of the Cold War, The Political Economy of Japanese Society, Volume 2. Oxford University Press, 1998

The Korean War, Stalin's Policy and Japan, Social Science Japan Journal, Vol.1, No.1, 1998 (Вада Харуки, Россия как проблема..., стр. 349-388).

1999

Хоппо редомондай (Проблема северной территории: прошлое и будущее), Токио, 1999, 396 стр.

Вада Харуки. Россия как проблема всемирной истории. М., АИРО-XX, XX, 400 стр.

2000

The San Francisco Peace Treaty and the Definition of the Kurile Islands, Japan and Russia: The Tortuous Path to Normalization, 1949-1999, Edited by Gilbert Rozman, St. Martin's Press, New York, 2000, pp. 15-32.

2001

(Ред.) ВКП(б), Коминтерн и Япония. Документы. (совм. с Г. М. Адиебековым), М., Росспэн, 2001, 792 стр.

East Asia and the Cold War: Rethinking Its Meaning in the New Millenium, Ending the Cold War in Korea: Theoretical and Historical Perspectives, Edited by Chung-in Moon and Odd Arne Westad, Yonsei University Press, Seoul, 2001, pp. 69-88.

Historical Guide – Россия (Краткая история России) – Токио, 2001, 219 стр.

2002

Чосэн сэно зенси (Полная история Корейской войны) – Токио, 2002, 529 стр.

(Ред.) Росиаси (История России) – Токио, 2002, 512 стр.

Сэнго нихон хэйвасюги но гэнгэн (Истоки японского послевоенного пацифизма) // Сисо, 2002, № 12, стр. 5-26.

Иванами седзитэн Гэндаиканкоку (Современная Корея: краткая энциклопедия) – Токио, 2002, 318 стр.

Чосэн юджи во нозомунока (Хотите Вы войну в Корее?) – Токио, 2002, 267 стр.

2003

Нихон, Канкоку, Китаосэн – тохоку азия ни икиру (Япония, Южная и Северная Корея – наша жизнь в Северо-восточной Азии) – Токио, 2003, 258 стр.

(Ред.) Китаосэн бон во доу емука (Как читать книги о Северной Корее) – Токио, 2003, 252 стр. Корейский перевод, Сеул, 2003

Тоухоку азиа кедо но из (Общий дом Северо-Восточной Азии: регионалистический манифест) – Токио, 2003, 270 стр. Корейский перевод, Сеул, 2004

Судьба коммуниста Носака Сандзо, Япония второй половины XX века: проблемы и судьбы. М., Восточная литература, 2003, стр. 111-127.

2005

Терору то кайкаку (Террор и реформы: до и после царевубийства 1 марта 1881 года) – Токио, 2005, 388 стр.

Додзидай хихе: ниччо канкэй то рати мондай (Современная критика: японо-корейские отношения и проблема опохищения) – Токио, 2005, 283 стр.

(Ред.) Кэнсе ниччо канкэй 60 нэнси (60 лет японо-корейских отношений) – Токио, 2005, 235 стр.

2006

Ару сэнго сэйсин но кэйсэй 1938-1965 (Формирование одного послевоенного ума 1838-1965) – Токио, 2006, 362 стр

Envisioning a Northeast Asian community: regional and domestic factors to consider, Regional Cooperation and its Enemies in Northeast Asia: The Impact of domestic factors, Edited by Edward Friedman and Sung Chull Kim, Routledge, London, 2006, pp. 38-58

Forever stepping back: the strange record of 15 years of negotiation between Japan and North Korea (together with Gavan McCormack), The Future of US-Korean Relations: The Imbalance of power, Edited by John Feffer, Routledge, London, 2006, pp. 81-100

2007

(Ред.) ВКП(б), Коминтерн и Корея. Документы (совм. с К. Шириня). М., Росспэн, 2007, 816 стр.

Study Your Enemy: Russian Military and Naval Attaches in Japan, The Russo-Japanese War in Global Perspective: World War Zero, Vol. II, Edited by David Wolff and others, Brill, Leiden, 2007, pp. 13-43.

2008

Нитиро сэнсоз: кигэн то кайсэн (Русско-японская война: происхождение и начало). Токио (в печати).

Сведения об авторах

Адибекова Жанна Гайковна – главный специалист
Российского государственного архива социально-
политической истории (РГАСПИ)

Бордюгов Геннадий Аркадьевич – руководитель
Международного Совета Ассоциации исследова-
телей российского общества (АИРО-XXI), доцент
МГУ им. М.В. Ломоносова

Гефтер Валентин Михайлович – член правления
Института прав человека Международного фонда
«Мемориал»

Делюсин Лев Петрович – главный научный сотрудник
Института экономики РАН, профессор

Захарова Лариса Георгиевна – профессор Истори-
ческого факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

Зубкова Елена Юрьевна – ведущий научный со-
трудник Института российской истории РАН,
профессор РГГУ

Исии Норизэ – профессор Токийского государственного университета

Итенберг Борис Самуилович – доктор исторических наук

Касаев Алан Черменович – руководитель Редакции стран СНГ и Балтии РИА «Новости»

Лукоянов Игорь Владимирович – старший научный сотрудник Санкт-Петербургского Института истории РАН

Молодякова Эльгена Васильевна – руководитель Центра японских исследований Института востоковедения РАН, профессор

Соколов Борис Вадимович – профессор Российского государственного социального университета

Твардовская Валентина Александровна – доктор исторических наук

Филиппова Татьяна Александровна – шеф-редактор Российского исторического журнала «Родина»

Шейнис Виктор Леонидович – профессор РГГУ, депутат Государственной Думы РФ 1 и 2-го созывов

Шириня Кирилл Кириллович – доктор исторических наук

Издания АИРО в 2000 – 2008 гг.*

2000

- Ю. А. Рыбалкин.* Операция «Х». Советская военная помощь республиканской Испании. («АИРО – Первая монография»).
- А. Ю. Бахтурина.* Политика Российской империи в Восточной Галиции в годы Первой мировой войны. («АИРО – Первая монография»).
- Д.Ю. Гузевич.* Кентавр или к вопросу о бинарности русской культуры. («АИРО – Научные доклады и дискуссии. темы для XXI века». Вып. 7).
- Е.А. Котеленец.* «Харизматический властный союз». Новейшие исследования о Ленине и его политическом окружении. («АИРО – Научные доклады и дискуссии. темы для XXI века». Вып. 8).
- Дирк Кречмар.* Искусство и культура России XVIII–XIX в. в свете теории систем Никласа Лумана. («АИРО – Научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Вып. 9).
- В.Э. Молодяков.* Берлин–Москва–Токио: к истории несостоявшейся «оси». 1939–1941. («АИРО – Научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Вып. 10).

* Об изданиях АИРО в 1993–1999 гг. см. подробнее: Бордюгов Г. А., Ушаков А. И. Поиски альтернативных структур в исторической науке. АИРО-XX: издательским программам 5 лет. – М., 1998; Они же. Развитие альтернативных структур в исторической науке. АИРО-XX: издательским программам и научным проектам 10 лет. – М., 2003.

- Кевин Макдермотт, Джереми Агню.* Коминтерн. История международного коммунизма от Ленина до Сталина («АИРО – Первая публикация в России»).
- О.Г. Буховец.* Постсоветское «великое переселение народов»: Россия, Беларусь, Украина и другие. («АИРО – Научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Вып. 11).
- Историки России. Послевоенное поколение. Сост. Л. В. Макасова.
- Ф.Ф. Торнау.* Воспоминания кавказского офицера.
- Б. Чижков.* Подмосковные усадьбы сегодня. Путеводитель с картой-схемой.
- Мифы и мифология в современной России /Под редакцией К. Аймермахера и Г. Бордюгова. Предисловие Ф. Бомсдорфа.
- Политика по контролю кризисной смертности в России в переходный период. (Программа развития ООН/Россия).
- Policies for the Control of the Transition's Mortality Crisis in Russia. (United Nations Development Programme/Russia).

2001

- Стивен Коэн.* Провал крестового похода. США и трагедия посткоммунистической России. («АИРО – Первая публикация в России»).
- Ленарт Самуэльсон.* Красный колосс. Становление военно-промышленного комплекса СССР. 1921–1941 гг. («АИРО – Первая публикация в России»).
- Политическая полиция и политический терроризм в России (вторая половина XIX – начало XX вв.). Сборник документов. («АИРО – Первая публикация»).
- А.П. Ненароков.* Последняя эмиграция Павла Аксельрода. Из цикла «В поисках жанра». («АИРО – Монография»).

И. Ротарь. Под зеленым знаменем. Исламские радикалы в России и СНГ. («АИРО – Научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Вып. 12).

Новые концепции российских учебников по истории /Сост. К. Аймермахер, Г. Бордюгов, А. Ушаков. («АИРО – Научные доклады и дискуссии. темы для XXI века». Вып. 13).

Новый мир истории России. Форум японских и российских исследователей – к 60-летию профессора Харуки Вада /Под редакцией Г. Бордюгова, Н. Исии, Т. Томита.

Magister vitae. К 80-летию Л.И. Мильграма /Составители М. Я. Шнейдер, Г. А. Бордюгов.

Элита средств массовой информации. Россия 2001 год. Опрос руководителей и журналистов в электронных и печатных средствах массовой информации.

Человек и война (Война как явление культуры). Сборник статей /Под редакцией И. В. Нарского и О. Ю. Никоновой.

С.В. Константинов, А.И. Ушаков. История после истории. Образы России на постсоветском пространстве.

А.Г. Макаров, С.Э. Макарова. Цветок-татарник. В поисках автора «Тихого Дона»: от Михаила Шолохова к Федору Крюкову.

В углу: начало Гражданской войны глазами русских писателей. П. Н. Краснов, Ф. Д. Крюков, И.А. Родионов /Составители А. Г. Макаров, С. Э. Макарова.

2002

Анна Гейфман. В сетях террора. Дело Азефа и Русская революция. («АИРО – Первая публикация в России»).

Беттина Зибер. «Русская идея» обязывает!? Поиск русской идентичности в общественных дискуссиях конца XX век. («АИРО – Научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Вып. 14).

- Преодоление прошлого и новые ориентиры его переосмысления. Опыт России и Германии на рубеже веков. Международная конференция. Москва, 15 мая 2001 г. /Под редакцией К. Аймермахера, Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова.
- Промышленность Урала в XIX–XX веках. Сборник научных трудов /Под редакцией В. П. Чернобровина.
- Историки читают учебники истории. Традиционные и новые концепции учебной литературы /Под редакцией К. Аймермахера и Г. Бордюгова.
- Культура и власть в условиях коммуникационной революции XX века. Форум немецких и российских культурологов /Под редакцией К. Аймермахера, Г. Бордюгова, И. Грабовского.
- Б.И. Чехонин.* Как богатеют, не воруя (по странам и континентам).
- Synopsis operandi профессора Аймермахера /Составитель А. И. Ушаков.
- С.Б. Веселовский.* Подмосковье в древности. Три очерка.
- Федору Крюкову, певцу Тихого Дона.
- Вадим Смиренский.* Разбор сюжетов.

2003

- Развитие альтернативных структур в исторической науке. АИРО-XX: издательским программам и научным проектам 10 лет /Составители Г. А. Бордюгов, А. И. Ушаков.
- Марк Юнге.* Страх перед прошлым. Реабилитация Н. И. Бухарина от Хрущева до Горбачева. («АИРО – Первая публикация в России»).
- И. А. Гордеева.* «Забытые люди». История российского коммунитарного движения. («АИРО – Первая монография»).
- Исторические исследования в России-II. Семь лет спустя /Под редакцией Г. А. Бордюгова.

- In Мемогіам. Г.М. Адібеков, С.В. Константинов, Ю.В. Соколов /Составители Г. А. Бордюгов и А. И. Ушаков.
- Мифы и мифология в современной России /Под редакцией К. Аймермахера, Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова. Изд. 2-е, дополн.
- Национальные истории в советском и постсоветских государствах /Под редакцией К. Аймермахера, Г. Бордюгова. Предисловие Ф. Бомсдорфа. Изд. 2-е, испр. и дополн.
- Богатые и бедные в современной России. Аналитический доклад.
- Валерий Брюсов. Мировое состязание. Политические комментарии. 1902–1924 /Составитель В. Э. Молодяков. («АИРО – Первая публикация в России»).
- Россия и страны Балтии, Центральной и Восточной Европы, Южного Кавказа, Центральной Азии: старые и новые образы в современных учебниках истории. Научные доклады и сообщения /Под редакцией Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова.
- Мегаполисы и провинции в современной России: образы и реальность. Аналитический доклад.
- Застольные речи Сталина. Документы и материалы /Сост., введение, коммент. В.А. Невежина.

2004

- Д.А. Андреев, Г.А. Бордюгов.* Пространство власти от Владимира Святого до Владимира Путина. Краткий курс, X–XXI вв.
- Булавинский бунт (1707–1708). Этюд из истории отношений Петра В. к Донским казакам. Неизвестная рукопись из Донского архива Федора Крюкова.
- Из старых тетрадей. *С. Б. Веселовский.* Страницы из Дневника. 1917–1923. *В. С. Веселовский.* Встречи с И.А. Буниным в 1917 году. Итог революции и Гражданской войны.

Die Russischen Mittelschichten: Dynamik ihrer Entwicklung (1999–2003). Ein Analytischer Bericht.

Экономическая элита России в зеркале общественного мнения. Аналитический доклад.

Russlands «Oligarchen»: Die Russen und ihre Wirtschaftselite. Ein Analytischer Bericht.

Moskau und die Provinz: Wie groß sind die Gegensätze? Ein Analytischer Bericht.

Василий Молодяков. Бумажный парус. Стихотворения 1988–2000.

Ю. Сигов. Многоликая Малайзия.

А.А. Куреньшев. Всероссийский крестьянский союз. 1905–1930 гг. Мифы и реальность. («АИРО – Монография»).

Россия: удачи минувшего века /Г. Бордюгов, В. Молодяков, Б. Соколов, а также: В. Есаков, Е. Левина, Л. Мазун, Э. Молодякова, А. Полунов, Л. Федянина, Г. Ульянова.

Россия и Япония: соседи в новом тысячелетии. Сборник статей.

Марк Юнге, Рольф Биннер. Как Террор стал «Большим». Секретный приказ № 00447 и технология его исполнения. («АИРО – Первая публикация в России»).

2005

Никита Дедков. Консервативный либерализм Василия Макалова. («АИРО – Первая монография»).

Жанат Кундакбаева. «Знаком милости Е. И. В. ...». Россия и народы Северного Прикаспия в XVIII веке. («АИРО – Монография»).

В.Д. Соловей. Русская история: новое прочтение. («АИРО – Монография»).

С.И. Валянский. Теория информации и образование. Об условиях выживания России. («АИРО – Монография»).

- П.Б. Уваров.* Дети хаоса: исторический феномен интеллигенции. («АИРО – Монография»).
- 1917: частные свидетельства о революции в письмах Луначарского и Мартова. («АИРО – Первая публикация» (совместно с Издательством РУДН)) /Под редакцией Г. А. Бордюгова и Е. А. Котеленец, сост. Н. С. Антонова и Л. А. Роговая, введ. Лотара Майера.
- Б.Г. Тартаковский.* Все это было... Воспоминания об исчезающем поколении. («АИРО – Первая публикация»).
- Б.Г. Тартаковский.* Из дневников военных лет. («АИРО – Первая публикация»).
- Кацура Таро, Гото Симпэй и Россия. Сборник документов. 1907–1929. («АИРО – Первая публикация»). Публ. В. Э. Молодякова /Под редакцией Г. А. Бордюгова.
- Норман Неймарк.* Пламя ненависти. Этнические чистки в истории Европы в XX веке. («АИРО – Первая публикация в России»).
- Стивен Коэн.* Можно ли было реформировать Советскую систему. («АИРО – Научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Вып. 16.)
- Александр Зиновьев, Герман Кант, Бернхард Кьяри, Борис Соколов, Андрей Турков.* Великая война: трудный путь к правде. («АИРО – Научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Вып. 17, совм. с журналом «Свободная мысль–XXI»).
- Истребительная война на Востоке. Преступления вермахта. Сб. докладов. («АИРО – Научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Вып. 18, совм. с Центром «Запад–Восток», Кассельский университет).
- Дмитрий Андреев, Геннадий Бордюгов.* Пространство памяти: Великая Победа и власть. («АИРО – Научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Вып. 19).
- Прошлое и будущее российско-японских отношений: по следам Кацура Таро, Гото Симпэй, Нитобо Инадзо. Ма-

- териалы симпозиума (Москва, 4 октября 2004 г.) /Под ред. Г. Бордюгова и В. Молодякова.
- Россия и тотальная война в XX столетии: взгляд из удаляющейся перспективы. Материалы Международного интернет-семинара.
- Жанат Кундакбаева.* Политика Российской империи в отношении народов Северного Прикаспия в XVIII веке: историография проблемы и источники изучения.
- Владимир Самарин.* Страсти по «Тихому Дону». Заметки на полях романа.
- Борис Соколов.* Моя книга о Владимире Сорокине.
- 60-летие Второй мировой и Великой Отечественной войн: победители и побежденные в контексте политики, мифологии и памяти. Материалы к Международному Форуму (сентябрь, 2005). Совм. с Фондом Фридриха Науманна.
- Ст. Б. Веселовский.* Из истории Московского государства в XVII веке. Три статьи /Сост. А. Г. Макаров и С. Э. Макарова.
- Рой Медведев.* Социализм в России? Япония 2004–2005. Ежегодник.

2006

- Дмитрий Люкин.* Вторая русская смута: крестьянское измерение. («АИРО – Первая монография»).
- А.Г. Ложкин.* Право победителей. Правовой отдел СВАГ: история создания и деятельности. 1945–1949. («АИРО – Первая монография»).
- Ф.Г. Куначева.* Религиозные воззрения абазин (с древнейших времен до наших дней). («АИРО – Первая монография»).
- В.Э. Молодяков.* Эпоха борьбы. Сиратори Тосио (1887–1949) – дипломат, политик, мыслитель. («АИРО – Монография»).

- Агентурная работа политической полиции Российской империи. Сборник документов. 1880–1917. Публ. Е. И. Щербаковой /Под ред. Г. А. Бордюгова. («АИРО – Первая публикация»).
- Молодежь и политика. Материалы семинара (сентябрь 2005) /Под редакцией Ф. Бомсдорфа и Г. Бордюгова. Библиотека либерального чтения. Вып. 17.
- Назревшая дискуссия. Некоторые итоги обсуждения истории Второй мировой войны. Общественный Форум (Москва, 28 сентября 2005 г.). Стенограмма /Под ред. Ф. Бомсдорфа и Г. Бордюгова. Библиотека либерального чтения. Вып. 18.
- Э. Саблина.* 150 лет Православия в Японии. История Японской Православной Церкви и ее основатель Свяtitель Николай. («АИРО – Монография»).
- Советская политика в Австрии. 1945–1955 гг. Сборник документов /Под ред. и составление Геннадия Бордюгова, Вольфганга Мюллера, Нормана М. Неймарка, Арнольда Суппана. («АИРО – Первая публикация»).
- Малороссия. Новороссия. Крым. Исторический и этнографический очерк. Сост. А. Г. Макаров и С. А. Макаров.
- Советская Военная Администрация в Германии (СВАГ). Управление пропаганды (информации) и С. И. Тюльпанов. 1945–1949 гг. Сб. документов. /Под ред. Геннадия Бордюгова, Бернда Бонвеча и Нормана Неймарка. («АИРО – Первая публикация»). Изд. 2-е, дополн. и измен.
- Портрет современного японского общества.
- В.Э. Молодяков.* Гото Симпэй и русско-японские отношения. («АИРО – Монография»).
- Н.А. Четырина.* Сергиевский посад в конце XVIII – начале XIX вв. (Посад как тип городского поселения). («АИРО – монография»).
- П. Павленко.* Либерально-демократическая партия в политической системе Японии. 1955–2001.

Павел Гвоздев. Русские на марше: от химеры к тотальной мобилизации.

Япония. Ежегодник. 2006.

Сергей Валянский. Хронотроника и эволюция социальных систем. («АИРО – Научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Вып. 20).

В тени «Тихого Дона». Федор Крюков – забытый русский писатель. («АИРО – Научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Вып. 21).

2007

Я.В. Леонтьев. «Скифы» русской революции. Партия левых эсеров и ее литературные попутчики. («АИРО – Монография»).

Стивен Коэн. «Вопрос вопросов»: почему не стало Советского Союза?

Ирина Каргина. Букет бессмертников. Константин Каргин и Михаил Шолохов: неизвестные страницы творческой биографии.

С. Ф. Платонов. Смутное время. Очерк истории внутреннего кризиса и общественной борьбы в Московском государстве XVI и XVII веков.

А. Г. Тепляков. «Непроницаемые недра»: ВЧК-ОГПУ в Сибири. 1918–1929 гг. («АИРО – Первая монография»).

Р. А. Гоголев. «Ангельский доктор» русской истории. Философия истории К. Н. Леонтьева: опыт реконструкции. («АИРО – Первая монография»).

И. А. Алексеева. История всемирного христианского молодежного движения в России. («АИРО – Первая монография»).

В. И. Колесов. Служил Советскому Союзу... Воспоминания. («АИРО – Первая публикация»).

Фридрих Фирсов. Секретные коды истории Коминтерна. 1919–1943. («АИРО – Первая публикация в России»).

- С. И. Валянский.* Язык мой – враг мой.
- Е. П. Розанова.* Друг мой – враг мой, лексика моя.
- Владимир Дмитриевич Есаков. Биобиблиографический указатель. Сост. Г. А. Бордюгов, Е. С. Левина / Предисловие А. П. Ненарокова.
- Эльгена Васильевна Молодякова. Биобиблиографический указатель. Сост. Г. А. Бордюгов, А. Е. Куланов.
- Япония открытая миру. Коллективная монография.
- В. Г. Воловников.* О необыкновенном годе необыкновенной эпохи (Неизвестная история выставки Пабло Пикассо в СССР в 1956 г.). («АИРО – научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Выпуск 22).
- В. Д. Соловей.* Смысл, логика и форма русских революций. («АИРО – научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Выпуск 23).
- Россия без Советского Союза: что потеряли и приобрели, что впереди? Стенограмма Общественного Форума 19 декабря 2006 г. и материалы дискуссии. Под ред. Фалька Бомсдорфа, Геннадия Бордюгова и Алана Касаева. Библиотека либерального чтения. Выпуск 19.
- Александр Рабинович.* Большевики у власти. Первый год советской эпохи в Петрограде. («АИРО – первая публикация в России»).
- Революционная Россия. 1917 год в письмах А. Луначарского и Ю. Мартова. Под ред. Г. А. Бордюгова и Е. А. Котеленец, сост. Н. С. Антонова и Л. А. Роговая, введ. Л. Майер. – М., 2007. («АИРО – первая публикация»).
- Владимир Путин. Рано подводить итоги / Под ред. Г. А. Бордюгова, А. Ч. Касаева (совместно с «АСТ»).
- Япония. Ежегодник. 2007.
- Николай Андреев.* Первые стихи.
- Служение России. Торгово-промышленная палата РФ. 1917–2007. Научно-популярное иллюстр. издание-альбом / Под ред. Е. М. Примакова (совместно с ТПП РФ).

2008

- Тосио Сиратори.* Новое пробуждение Японии / Сост. и вст. ст. В. Э. Молодякова
- Ф. Торнау.* Воспоминания кавказского офицера / Сост. А. Г. Макаров, С. Э. Макарова, вст. ст. С. Э. Макарова
- De Futuro,* или история будущего. Сб. статей / Под ред. Д. Андреева и В. Прозорова.
- Danke,* профессор Аймермахер. 12 писем из России / Сост. Г. А. Бордюгов, Т. М. Горяева.
- Харуки Вада* – сенсей российской истории / Сост. Г. А. Бордюгов.
- Стивен Козн и Советский Союз / Россия.* / Сост. Г. А. Бордюгов, Л. Н. Доброхотов.
- Узник Лубянки.* Тюремные рукописи Н.И. Бухарина / Предисл. С. Бабурина, Введение Ст. Козна, Под ред. Г. Бордюгова («АИРО–Первая публикация»)
- Леонид Козлов.* В диалоге с памятью («АИРО–Первая публикация»)

ХАРУКИ ВАДА –
СЕНСЕЙ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

Составитель
Геннадий БОРДЮГОВ

Художественное оформление, дизайн
Кирилл Струков

ISBN 978-5-91022-053-3

9 785910 220533

Подписано в печать 29.02.2008
Формат 70x100 1/32. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 5,2

Научно-исследовательский центр АИРО-XXI
Email: airo@airo-xxi.ru
<http://www.airo-xxi.ru>